

Бумажная принцесса

Автор:

Эрин Уатт

Бумажная принцесса

Эрин Уатт

Семья Ройалов #1

Спустя два года после смерти матери Элла узнает, что та успела сообщить ее отцу, которого девушка никогда не видела, о том, что у него есть дочь. Стив О'Халлоран не успел разыскать Эллу, потому что трагически погиб. Выполняя последнюю волю друга, миллионер, владелец авиастроительной компании Каллум Ройал находит девушку и забирает в свою семью, в которой растут еще пятеро сыновей. 15 недель в списке бестселлеров The New York Times!

Эрин Уатт

Бумажная принцесса

Erin Watt

Paper Princess

Copyright © 2016 by Erin Watt

© Е. Прокопьева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Посвящается Марго, которая, так же как и мы, увлеклась этим проектом

Благодарности

Когда мы решили объединиться и написать эту книгу вместе, нам и в голову не приходило, насколько потрясающим окажется сам процесс, и насколько сильно мы сроднимся с нашими героями и миром, который создали. Каждая секунда работы над книгой была в радость, но мы не смогли бы воплотить наши мысли в слова, что вы сейчас читаете, если бы не помощь и поддержка некоторых потрясающих людей:

– Марго, Шоны и Нины – наших первых читательниц, которые по-прежнему любят нас, несмотря на то что мы жестокосердно закончили роман на самом интересном месте.

– Нины, нашего рекламного агента, которую благодарим за энтузиазм и неустанную поддержку этого проекта.

– Мелжан Брукс, предложившей идею обложки, которая как нельзя лучше подошла этой серии!

И конечно, мы в вечном долгу перед всеми блогерами, рецензентами и читателями, которые не пожалели времени на то, чтобы прочесть и оценить эту книгу, написав свой отзыв. Без вашей поддержки и постоянной обратной связи весь этот процесс оказался бы бессмысленным!

– Элла, тебя ждут в кабинете директора, – останавливает меня мисс Уэйр в тот момент, когда я уже собираюсь войти в свой класс по алгебре.

Я смотрю на часы.

– Но я даже не опоздала.

До девяти еще минута, а эти часы никогда не врут. Наверное, это самая дорогостоящая вещь из всего моего имущества. Мама говорила, что часы принадлежали моему отцу. Единственное, что он ей оставил, не считая своей спермы.

– Дело не в опоздании... на этот раз. – Обычно суровые, сейчас ее глаза смотрят на меня непривычно мягко, и мое подсознание отправляет предупреждение еще не проснувшемуся до конца мозгу. Мисс Уэйр – та еще стерва, потому мне и нравится. Она обращается со своими учениками так, словно мы здесь исключительно для того, чтобы изучать математику, а не получать уроки жизни: «возлюби своего соседа» и прочую муру. И то, как сочувственно она смотрит на меня, означает, что в кабинете директора меня не ждет ничего хорошего.

– Ладно.

Можно подумать, у меня был выбор. Кивнув, я направляюсь в сторону школьной канцелярии.

– Я пришлю тебе задания на электронную почту! – кричит мне вслед мисс Уэйр. Похоже, она считает, что на занятия я уже не вернусь, но вряд ли директор Томпсон может сообщить мне новости более ужасные, чем моя собственная жизнь – ее прошлое и настоящее.

До того, как я поступила в предвыпускной класс школы имени Джорджа Вашингтона, я уже потеряла все, что могло иметь какое-то значение. И если даже директор Томпсон каким-то образом узнал, что мой фактический адрес не дает мне права здесь учиться, я смогу что-нибудь соврать, чтобы потянуть время. Ну, а если меня все же переведут в другую школу (самое страшное из того, что может случиться со мной сегодня), ну и пусть. Я это сделаю.

– Как дела, Дарлин?

Секретарь нашей школы – строгая стрижка с челочкой, неохотно отрывает глаза от своего журнала со сплетнями о знаменитостях.

– Присаживайся, Элла. Мистер Томпсон скоро тебя вызовет.

Да-да, мы с Дарлин обращаемся друг к другу по имени. А все потому, что для одного месяца учебы я провела слишком много времени в этой приемной из-за постоянно растущей стопки моих талонов об опозданиях. Что делать, если работаешь по ночам и роняешь голову на подушку в три утра, а то и позже.

Я вытягиваю шею, чтобы через открытые жалюзи заглянуть в кабинет директора. В кресле для посетителей кто-то сидит, однако все, что мне удастся увидеть, это массивную челюсть и темно-русые волосы. Моя полная противоположность – я натуральная блондинка с голубыми глазами. Если верить маме, это мне досталось от папаши.

Гость Томпсона напоминает мне тех приезжих бизнесменов, которые отваливали моей маме чертову уйму денег, чтобы она всю ночь притворялась их подружкой. Кто-то тащился от этого куда больше, чем от простого секса. Ну, это тоже со слов моей мамы, конечно. Я не собираюсь идти по этому пути... пока. И надеюсь, что не придется никогда, вот поэтому мне так нужен аттестат о полном среднем образовании – тогда я смогу поступить в колледж, получить диплом и жить нормальной жизнью.

О чем мечтают подростки? Кто-то о том, чтобы объехать весь мир, для других – предел мечтаний собственная машина или большой дом. А я? Я хочу, чтобы у меня была своя собственная квартирка, забитый едой холодильник и стабильная зарплата за работу, которая приносит удовольствие.

Между тем мужчины продолжали разговаривать. Прошло уже пятнадцать минут, но они и не думали завершать свой треп.

– Эй, Дарлин? Вообще-то, я сейчас пропускаю алгебру. Может, мне лучше вернуться, когда мистер Томпсон не будет занят?

Я стараюсь говорить очень вежливо, как это только возможно. Однако все усилия идут насмарку, потому что в моей жизни практически не присутствовали взрослые люди – моя ветреная, но прекрасная мамочка не в счет – и в моем голосе отсутствует необходимая доля смирения, обязательного, по мнению старших, для возраста, в котором по закону еще запрещено употреблять спиртное.

– Нет, Элла. Мистер Томпсон скоро тебя вызовет.

В этот раз она оказывается права, потому что дверь открывается и в приемную выходит сам директор. Рост мистера Томпсона едва превышает полтора метра, да и выглядит мужчина так, словно сам только в прошлом году окончил школу. Но ему каким-то образом удается казаться солидным и облеченным властью.

Он жестом приглашает меня войти.

– Мисс Харпер, прошу, проходите в мой кабинет.

В кабинет? Когда там еще сидит этот Дон Жуан?

– В вашем кабинете уже кто-то есть, – указываю я на очевидное. Это все чертовски подозрительно, и мое шестое чувство велит мне уносить отсюда ноги. Но если я сейчас сбегу, то можно будет поставить крест на моем тщательно продуманном плане о будущей лучшей жизни.

Томпсон поворачивается и смотрит на Дон Жуана, который поднимается из кресла и делает приветственный жест широкой ладонью.

– Да. Потому ты и здесь. Входи, пожалуйста.

Я неохотно проскальзываю мимо мистера Томпсона и замираю у порога. Директор закрывает двери и опускает жалюзи на окнах кабинета. Ну вот, теперь я действительно начинаю нервничать.

– Мисс Харпер, возможно, вам лучше присесть. – Томпсон указывает на кресло, которое только что освободил Дон Жуан.

Скрестив руки на груди, я с вызовом смотрю на них. Скорее случится всемирный потоп, чем я опущусь в это кресло.

Томпсон вздыхает и усаживается за свой стол, понимая, что дальнейшие разговоры со мной бесполезны. Это заставляет меня запаниковать еще больше – если директор решил отказаться от этого сражения, значит, грядет что-то куда более серьезное.

Он поднимает стопку бумаг, лежавших на столе.

– Элла Харпер, это Каллум Ройал. – Директор умолкает, как будто это имя должно мне о чем-то сказать.

Все это время этот Ройал таращится на меня так, словно в первый раз видит существо женского пола. Тут до меня доходит, что мои скрещенные руки подпирают мою грудь, и я опускаю их и теперь не знаю, куда деть.

– Приятно познакомиться, мистер Ройал. – Однако все мы понимаем, что думаю я совершенно противоположное.

Звук моего голоса словно вырывает его из транса. Шагнув вперед, мужчина хватается мою правую ладонь обеими руками, и так быстро, что я даже не успеваю отпрянуть.

– Мой бог, как ты на него похожа. – Эти слова, сказанные шепотом, слышим только он и я. И тут же, вдруг вспомнив, где находится, Ройал пожимает мою руку. – Прошу, называй меня Каллум.

Что-то странное есть в его голосе. Мужчина словно выдавливает из себя слова. Я пытаюсь вытащить свою ладонь, что требует некоторых усилий – этот ненормальный не хочет меня отпускать. Мистеру Томпсону приходится пару раз кашлянуть, чтобы Ройал освободил мою руку.

– Что происходит? – резко спрашиваю я.

Для семнадцатилетней девушки, которая обращается к взрослым людям, мой тон может показаться неподобающим, но это обстоятельство, кажется, никого

не волнует.

Мистер Томпсон беспокойно проводит рукой по волосам.

– Даже не знаю, с чего начать, поэтому скажу прямо. Мистер Ройал утверждает, что оба твоих родителя скончались и теперь он твой опекун.

Я замираю. Но только на мгновение. Его как раз хватает, чтобы шок превратился в негодование.

– Дерьмо собачье! – Ругательство вырывается из моего рта прежде, чем я успеваю остановиться. – Моя мать записывала меня в эту школу. На всех документах стоит ее подпись.

Мое сердце колотится с бешеной скоростью, потому что на самом деле подписи ставила я – подделала мамин почерк, чтобы иметь возможность контролировать свою жизнь. Несмотря на то, что я несовершеннолетняя, наши роли в семье поменялись уже давно.

Стоит отдать должное мистеру Томпсону, который не стал меня отчитывать за сквернословие.

– Эти документы свидетельствуют о том, что заявление мистера Ройала имеет законные основания. – Директор перелистывает бумаги.

– Да ну? Значит, он врет. Я никогда прежде не видела этого мужика, и если вы позволите ему забрать меня, то в следующем же репортаже сообщат о том, как одна из учащихся школы имени Джорджа Вашингтона пропала и оказалась в сексуальном рабстве.

– Ты права, мы никогда не встречались, – вмешивается Ройал. – Но это ничего не меняет.

– Дайте мне посмотреть. – Я подскакиваю к столу Томпсона и выхватываю документы из его рук. Мои глаза бегают по страницам, не вчитываясь в текст, выхватывая отдельные слова: опекун, покойный, завещал. Но они ничего не значат. Каллум Ройал все равно остается чужаком. Точка.

– Возможно, если подойдет твоя мама, все прояснится, – предлагает мистер Томпсон.

– Да, Элла, приведи свою маму, и тогда я откажусь от всех притязаний, – уступает незнакомец, однако в его голосе звучат стальные нотки. Ему что-то известно.

Я поворачиваюсь к директору. Он здесь – слабое звено.

– Я смогла бы сделать то же самое в школьном компьютерном зале. И даже без «Фотошопа». – Я бросаю пачку бумаг на его стол. В глазах мистера Томпсона появляется сомнение, и я решаю еще надавить на него. – Мне нужно вернуться на занятия. Семестр только начался, и я не хочу отстать.

Пока директор размышляет, я принимаю уверенный вид, глядя на него с высоты собственного роста. Мне не нужен папочка. И уж точно не нужен опекун. Где был этот козел, когда мама старалась сводить концы с концами, или когда у нее диагностировали рак и она мучилась от ужасных болей; или когда рыдала на своей кровати в хосписе, потому что оставляла меня одну на всем белом свете? Где был он тогда?

Томпсон вздыхает.

– Хорошо, Элла, можешь вернуться в класс. Очевидно, что нам с мистером Ройалом еще нужно многое обсудить.

– Эти документы подготовлены по всем правилам, – сразу же возражает Ройал. – Вам известно, кто я, вы знаете о моей семье. Я бы не стал вручать вам эти бумаги, не будь они подлинными. Зачем мне это делать?

– В мире полно извращенцев, – язвительно парирую я. – И у каждого множество причин сочинять всякие небылицы.

Томпсон машет рукой.

– Довольно, Элла. Мистер Ройал, это неожиданно для всех нас. Мы свяжемся с матерью Эллы и все выясним.

Ройал недоволен таким поворотом и снова начинает разглагольствовать о том, какая он важная персона и что Ройалы никогда не лгут. Сейчас он еще расскажет историю про Джорджа Вашингтона и вишневое дерево[1 - Речь идет о следующей истории: однажды маленький Джордж Вашингтон решил испытать свой новый перочинный ножик и изрезал ствол вишни в саду своего дома. Его отец увидел поврежденное дерево и стал искать злоумышленника. Джордж Вашингтон признался во всем, и отец не только не наказал мальчика, но даже похвалил его. Мораль такова: всегда следует говорить только правду. О подлинности этой истории идут споры.]. Пока эти двое препираются, я выскальзываю из кабинета.

- Дарлин, мне нужно в туалет, - вру я. - А потом сразу же вернусь в класс.

Женщина с легкостью клюет на мою ложь.

- Можешь не торопиться. Я сообщу твоему преподавателю.

Но в туалет я не иду. И в класс тоже не возвращаюсь. Вместо этого бегу на остановку и сажусь в автобус, на котором мне ехать до конца маршрута.

Еще полчаса - пробежать до квартиры, которую я снимаю за пятьсот долларов в месяц: спальня, сомнительного вида ванная и совмещенная с кухней гостиная, где воняет плесенью. Но зато за нее мало просят, и моя домовладелица с радостью принимает оплату наличными и не интересуется источником доходов.

Я не знаю, кто такой Каллум Ройал, но его появление в Кирквуде точно не приведет ни к чему хорошему. Те документы не были поддельными. Они были настоящими. Но ни за что на свете я не отдам свою жизнь в руки какого-то чужака, который появился из ниоткуда.

Моя жизнь - это моя жизнь. Я живу ею. Я ею распоряжаюсь.

Вытряхнув из рюкзака учебники, за которые пришлось отвалить целую сотню, я запикиваю в него одежду, туалетные принадлежности и тысячу долларов - все, что осталось от моих сбережений. Черт. Мне нужно быстро подзаработать еще, чтобы убраться из города. А сейчас я практически на мели. Переезд сюда обошелся в две тысячи, включая билеты на автобус, арендную плату за первый и последний месяц, да еще и задаток. Отстойно, что арендные деньги придется

потерять, но оставаться здесь больше нельзя.

Я снова в бегах. Такова моя жизнь. Мы с мамой все время куда-то убегали. От ее дружков, боссов-извращенцев, социальных служб, от бедности. Единственным местом, где мы задержались надолго, был хоспис, потому, что мама умирала. Иногда мне кажется: вселенная решила, что быть счастливой мне не положено.

Я сажусь на край кровати, стараясь не разреветься от чувства бессилия, злости и, да, признаюсь, от страха. Пять минут на то, чтобы пожалеть себя, истекают, и я хватаю телефон. К черту вселенную.

– Привет, Джордж, я тут подумала о твоём предложении поработать в «Дэдди-Джи», – говорю я, когда в трубке раздаётся мужской голос. – Я готова принять его.

Я зарабатывала на жизнь, танцуя у шеста в «Мисс Кэнди», клубе для начинающих, где раздеваются только до стрингов и стикини[2 - Наклейки на соски.]. Деньги платят хорошие, но не огромные. Последние несколько недель Джордж уговаривал меня перебраться в «Дэдди-Джи», где оголяются полностью. Я отказывалась, потому что не видела в этом необходимости. Но теперь она появилась.

Мне посчастливилось унаследовать фигуру моей мамы: длинные ноги и осиная талия. Конечно, моя грудь не выдающегося четвертого размера, но Джордж говорит, что ему нравятся мои торчащие сиськи второго, потому что они создают иллюзию молодого тела. Это, конечно, не иллюзия, просто в моём удостоверении личности значится, что мне тридцать четыре и зовут меня не Элла Харпер, а Маргарет Харпер. Как мою покойную маму. Звучит, конечно, жутковато, но я стараюсь не сильно париться на эту тему.

Вообще-то семнадцатилетней девушке непросто найти работу с неполной занятостью, где платят столько, чтобы хватало на погашение счетов. Большинство предложений противозаконны: торговля наркотиками, проституция, стриптиз. Я выбрала последнее.

– Черт, милая, это отличные новости! – радостно восклицает Джордж. – Сегодня вечером у меня как раз есть свободный выход. Будешь танцевать третьей. Наденешь форму ученицы католической школы. Клиентам это понравится.

– Сколько заплатишь?

– Сколько чего?

– Наличных, Джордж. Сколько ты мне заплатишь?

– Пять сотен плюс тебе достаются все твои чаевые. Если захочешь, то можешь брать себе приватные танцы, за каждый такой я добавлю еще сотню.

Ничего себе! Я смогу заработать тысячу баксов только за одну эту ночь. Все опасения и дискомфорт я задвигаю в самый дальний уголок сознания. Сейчас не время для внутренних этических диалогов. Мне нужны деньги, а стриптиз – один из самых безопасных способов их заработать.

– Я скоро буду. Запиши на меня как можно больше приватных танцев.

Глава 2

«Дэдди-Джи» та еще дыра, но куда лучше многих клубов в этом городке. Знаете, как говорят: «Откусите кусочек от этого протухшего цыпленка. Он не такой зеленый и заплесневелый, как другие блюда». К тому же деньги есть деньги.

Весь день мне не давало покоя появление в школе Каллума Ройала. Если бы у меня был ноутбук с подключением к Интернету, я смогла бы хоть что-то узнать о нем, но мой старый компьютер сломался, а денег на новый не было. Идти пешком в библиотеку, чтобы воспользоваться компьютером там, мне не хотелось. Глупо, конечно, но я боялась, что если выйду из квартиры, Ройал будет подстерегать меня где-то неподалеку.

Кто он такой? И почему считает себя моим опекуном? Мама никогда не упоминала его имени. В какой-то момент я даже подумала, не мог ли мужчина оказаться моим отцом, но в тех документах говорилось, что мой папа тоже умер. К тому же мама утверждала, что звали его не Каллум, а Стив.

Стив. Мне всегда казалось, что она это просто выдумала. Ну, как если ребенок спрашивает маму: «Мамочка, расскажи мне о моем папе!», и женщина тут же произносит первое, что приходит на ум: «Э-э-э, малыш, его звали, э-э-э, Стив».

Но мне ненавистна сама мысль о том, что мама мне врала. Мы с ней никогда ничего не скрывали друг от друга.

Я выбрасываю из головы Каллума Ройала, потому что сегодня у меня дебют в «Дэдди-Джи» и я не могу допустить, чтобы какой-то незнакомец средних лет в костюме за тысячу долларов мне помешал. В стрип-зоне будет полно других пожилых мужиков, на которых мне нужно будет сосредоточиться.

Клуб забит под завязку. Похоже, вечерняя программа со стриптизершами, облаченными в скромные католические одежды, привлекает много посетителей. Столики и кабинки на основном этаже все заняты, но VIP-ложа на балконе пуста. Что неудивительно. В Кирквуде не так много VIP-персон – это же маленький городок в штате Теннесси, неподалеку от Ноксвилла. Здесь живут работяги, в большинстве своем представители низшего класса. Если ваш годовой доход превышает сорок тысяч, то в наших краях это будет считаться баснословным богатством. Поэтому я и выбрала это место. Дешевая арендная плата, приличное среднее образование.

Гримерная располагается в задней части клуба, и там уже вовсю кипит жизнь. Полуголые женщины оборачиваются, чтобы посмотреть, кто пришел. Кто-то кивает, кто-то улыбается, но вскоре все возвращаются к своим делам: закрепить чулки на поясе, нанести макияж перед зеркалом туалетного столика.

И только одна спешит мне навстречу.

– Золушка? – спрашивает она.

Я киваю. Это мое сценическое имя в «Мисс Кэнди». Когда-то оно показалось самым подходящим.

– Я Роуз. Джордж попросил меня показать тебе что и как.

В каждом клубе есть своя «мамочка» – постарше остальных, которая понимает, что проигрывает молодым, и решает быть полезной иным способом. В «Мисс Кэнди» это Тина, стареющая крашеная блондинка, которая взяла меня под свое крылышко с самого первого моего дня. Ну а здесь – рыжая Роуз, которая непрестанно кудахчет, подводя меня к металлической вешалке с костюмами.

Когда я протягиваю руку к школьной форме, она меня останавливает.

– Нет, форма на другой раз. Пока надень вот это.

И вот уже женщина помогает мне втиснуться в черный корсет со шнуровкой крест-накрест и кружевные черные трусики-танга.

– И в этом я буду танцевать? – Я с трудом дышу в тесном корсете, что уж говорить о том, чтобы расшнуровать его со спины.

– Забудь про верх. – Роуз смеется, когда замечает, как я глотаю воздух. – Просто крути задом, покажи класс на шесте «Богатенький Ричи», и все будет хорошо.

Я оторопело таращусь на нее.

– Я не буду танцевать на сцене?

– Разве Джордж тебе не сказал? Сейчас у тебя приватный танец в VIP-ложе.

Что? Но я же только что пришла. В «Мисс Кэнди» мы сначала выходили продемонстрировать себя на сцене, ожидая, когда какой-нибудь клиент запросит «приват».

– Должно быть, это кто-то из твоих постоянных из прежнего клуба, – высказывает предположение Роуз, когда замечает мое недоумение. – К нам только что с хозяйским видом завалился очередной Богатенький Ричи, сунул Джорджу пять сотен и велел, чтобы прислали тебя. – Она подмигивает мне. – Если не сваляешь дурака, то сможешь вытянуть из него еще Бенджаминов[3 - На стодолларовой банкноте США изображен портрет Бенджамина Франклина.].

С этими словами женщина устремляется к другой танцовщице, а я застыла на том же месте, раздумывая, нет ли здесь какой ошибки.

Мне нравится выдавать себя за крутую, и в какой-то степени так оно и есть. Я знаю, что такое бедность и голод. Меня вырастила стриптизерша. Я знаю, как постоять за себя, если вдруг придется. Но мне только семнадцать. Порой мне кажется, что я еще слишком мала для этой жизни и для этого места, в котором я оказалась. Порой я оглядываюсь по сторонам и думаю, что все это не мое.

Но я здесь. Здесь, без гроша в кармане, и если мне так хочется стать обычной девчонкой, какой отчаянно стараюсь казаться, то я должна выйти из гримерки и «показать класс на шесте» для Богатенького Ричи, как изящно выразилась Роуз.

Стоит мне выйти в коридор, как передо мной возникает Джордж – коренастый мужчина с густой бородой и добрыми глазами.

– Роуз предупредила тебя о клиенте? Он уже ждет.

Кивнув, я проглатываю ком в горле.

– Мне же не нужно будет делать ничего необычного, да? Только приватный танец?

Джордж усмехается.

– Танцуй как хочешь, но если клиент тронет тебя хоть пальцем, Бруно вышвырнет его задницу на улицу.

Я облегченно выдыхаю, услышав, что в клубе действует правило не трогать «товар». Танцевать для подонков всегда легче, когда знаешь, что их грязные ручки к тебе не притронутся.

– Ты отлично справишься, милая. – Мужчина похлопывает меня по руке. – И если он спросит, тебе двадцать четыре, договорились? Помнишь: здесь не работают те, кому за тридцать?

«А те, кому нет двадцати?» – чуть не вырывается у меня. Но я сжимаю губы. Наверняка Джорджу известно, что я солгала про свой возраст. Половина девушек здесь сделали то же самое. Пусть у меня тяжелая жизнь, но я никак не выгляжу на чертовы тридцать четыре года. Макияж помогает мне сойти за совершеннолетнюю. И то с трудом.

Джордж исчезает за дверью гримерки, а я, сделав глубокий вдох, иду дальше по коридору.

Когда я выхожу в главный зал, меня встречает гроыхание басов. Танцовщица на сцене только что расстегнула свою белую форменную блузку, и мужики сходят с ума, увидев ее прозрачный лифчик. На сцену летят долларовые купюры. На этом я и сосредотачиваюсь – деньги. Все остальное может катиться к чертовой матери.

Хотя мысль о том, что придется оставить школу Джорджа Вашингтона и учителей, которым, похоже, действительно небезразлично то, чем они занимаются, по-прежнему угнетает меня. Но я найду новую школу, в новом городе. Там, где Каллум Ройал никогда не сможет...

Я останавливаюсь как вкопанная. И тут же в панике разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов.

Но уже слишком поздно. Ройал шагает через затемненную ложу, и его сильная рука обхватывает мое предплечье.

– Элла, – негромко произносит он.

– Отпустите меня. – Я стараюсь говорить безразличным тоном, но мои руки трясутся, когда я пытаюсь разжать его пальцы.

Он не отпускает меня до тех пор, пока из тени не выходит широкоплечий мужчина в черном костюме.

– Руками не трогать, – угрожающе говорит вышибала.

Ройал, словно обжегшись, стремительно отшатывается. Свирепо взглянув на Бруно, он поворачивается ко мне. Его глаза прикованы к моему лицу, словно мужчина изо всех сил старается не смотреть на мой непристойный наряд.

– Нам нужно поговорить.

Исходящий от него запах виски чуть не сшибает меня с ног.

– Мне не о чем с вами разговаривать, – холодно отвечаю я. – Я вас не знаю.

– Я твой опекун.

– Вы тот, кого я знать не знаю. – Я надменно вскидываю голову. – И вы мешаете мне работать.

Его рот открывается. Потом закрывается.

– Ладно. Тогда приступай, – произносит Ройал.

Что?

Его глаза насмешливо поблескивают, мужчина разворачивается и медленно возвращается к мягким диванам. Он садится, слегка раздвинув ноги, и, прищурившись, ждет.

– Покажи мне то, за что я заплатил.

Мой пульс ускоряется. Ни за что. Я не буду танцевать для этого мужика.

Краем глаза я замечаю, как по лестнице в ложу поднимается Джордж. Мой новый босс выжидательно смотрит на меня.

Я с усилием сглатываю ком в горле. Мне хочется заплакать, но я не стану этого делать. Виляя бедрами, с уверенностью, которой не чувствую, я направляюсь к Ройалу.

– Хорошо. Хочешь, чтобы я станцевала для тебя, папочка? Я станцую.

На глаза наворачиваются слезы, но я знаю, что они не прольются. Я научилась никогда не плакать на людях. В последний раз я рыдала, сидя у кровати умирающей мамы, и то лишь дождавшись, когда из палаты вышли все медсестры и доктора.

Когда я начинаю двигаться перед Каллумом Ройалом, его лицо перекашивается, будто от боли. Мои бедра начинают вращаться в такт музыке. В этот момент мое тело начинает жить собственной жизнью. Танец в моей крови. Это часть меня. Когда я была маленькой, мама, с трудом накопив денег, отдала меня заниматься балетом и джаз-танцами. Я прозанималась три года, потом деньги закончились, и она стала учить меня сама. Мама смотрела видеозаписи или ей удавалось проникнуть на бесплатные занятия в общественных центрах, откуда ее потом выгоняли. Возвращаясь домой, мама показывала мне все, что ей удалось узнать.

Я люблю танцевать, и у меня это хорошо получается, но хватает мозгов не рассчитывать на танцы как на свою будущую карьеру – конечно, если только я не собираюсь зарабатывать на жизнь, танцуя стриптиз. Нет, я выберу себе работу, которая имеет практическую ценность. Бизнес или правоведение – то, что позволит хорошо зарабатывать. Танцы – глупая детская мечта.

Когда я соблазняющим движением провожу руками по корсету, Ройал издает стон. Но не такой, к каким я привыкла. Он не выглядит возбужденным. Он выглядит... опечаленным.

– Он бы в гробу перевернулся, – хрипло произносит Ройал.

Я не обращаю на него никакого внимания. Для меня его не существует.

– Это неправильно. – Кажется, он чуть не подавился.

Я откидываю волосы назад и выпячиваю грудь вперед, ощущая на себе взгляд Бруно, который затаился в темноте.

Сотня баксов за десятиминутный танец, две минуты я уже протанцевала, осталось еще восемь. Я смогу их пережить.

А вот Ройал, очевидно, нет. Я делаю еще одно вращение бедрами, и его руки сжимаются на них.

– Нет, – рычит он. – Стив ни за что бы этого не позволил!

Я не успеваю даже моргнуть, не успеваю зафиксировать в сознании его слова. Мужчина вскакивает на ноги, я подлетаю в воздух, и мое тело оказывается перекинутым через его широкое плечо.

– Отпусти меня! – ору я.

Но он не слушает. Ройал без усилий несет меня, словно я тряпичная кукла, и даже Бруно, откуда ни возьмись появившийся на его пути, неспособен ему помешать.

– Убирайся к чертям с дороги! – Когда Бруно делает еще шаг, Ройал повышает голос. – Этой девочке семнадцать лет! Она несовершеннолетняя, и я ее опекун, так что, и да поможет мне Бог, если ты сделаешь еще один шаг, я сделаю так, что в этом месте соберутся все копы Кирквуда, а тебя и остальных подонков, которые здесь находятся, упекут в тюрьму за угрозу жизни несовершеннолетней.

Бруно хоть и здоровяк, но мозги у него на месте. С ошарашенным видом он уступает нам дорогу.

Я не такая сговорчивая. Мои кулаки молотят по спине Ройала, ногти вонзаются в его дорогой пиджак.

– Поставь меня! – кричу я.

Но он меня не слушает. Никто не останавливает нас, и Ройал свободно шагает к выходу. Все мужики в зале с вождением смотрят на сцену и улюлюкают. Я замечаю какое-то движение. Это Джордж появился рядом с Бруно. Но вышибала что-то яростно шепчет ему на ухо, и они оба исчезают, а меня обдувает порыв холодного воздуха.

Мы на улице, но Каллум Ройал по-прежнему не отпускает меня. Я наблюдаю, как его модные дорогие ботинки топают по разбитому асфальту парковки. Звон ключей, долгий гудок, и вот меня снова переворачивают в воздухе и опускают на кожаное сиденье. Заднее сиденье его автомобиля. Захлопывается дверца. Рокочет заведенный двигатель.

О боже. Этот мужчина похищает меня.

Глава 3

Мой рюкзак!

Там все мои деньги и часы! Заднее сиденье громадины, которую Каллум Ройал зовет автомобилем, можно назвать самым роскошным местом, куда когда-либо опускалась моя задница. Жаль, у меня нет времени этим насладиться. Я протягиваю руку к дверной ручке и нажимаю, но чертова штуковина не открывается.

Мой взгляд перемещается на шофера. Понимаю всю тщетность своей попытки, но у меня нет другого выхода: ринувшись вперед, я вцепляюсь в его плечо, хотя даже шея у этого мужика толще моего бедра.

– Развернитесь! Мне нужно обратно!

Он даже бровью не ведет. Словно из кирпича сделан. Я трясу его еще и еще, но, похоже, даже если я врежу ему по шее – а может, и еще куда – он отреагирует только, если ему прикажет Ройал.

Каллум наблюдает за мной, сидя напротив, и мне приходится смириться с тем фактом, что только он решает, выпустить меня из этой машины или нет. Но на всякий случай я проверяю окна. Они тоже не опускаются.

– Блокировка от детей? – бормочу я, хотя уже знаю ответ.

Ройал чуть заметно кивает.

– В том числе. Пока скажу лишь одно: пока мы не приедем, из машины ты не выйдешь. Ты не это ли ищешь?

Мой рюкзак приземляется мне на колени. Я подавляю желание сразу же открыть его и проверить, не вытащил ли мужчина мои деньги и удостоверение личности. Лишившись последнего, я окажусь целиком в его власти, но мне не хочется, чтобы этот Ройал узнал обо мне еще больше, пока сама не разберусь в том, что у него на уме.

– Послушайте, мистер, я не знаю, что вам нужно, но у вас есть деньги – с этим не поспоришь. Здесь полно проституток, которые сделают для вас все, что угодно, и при этом, в отличие от меня, не будут иметь никаких проблем с законом. Просто высадите меня на следующем перекрестке, и я обещаю: вы никогда обо мне не услышите. Я не пойду в полицию. А Джорджу скажу, что вы мой старый клиент и мы уже уладили все проблемы.

– Мне не нужна проститутка. Я приехал за тобой. – После этого заявления, которое явно не предвещает ничего хорошего, Ройал снимает пиджак и протягивает его мне.

Хотелось бы мне иметь вид независимый и бойкий, но, сидя здесь, в этой супердорогой тачке, напротив мужчины, перед которым мне только что пришлось танцевать откровенный танец, я ощущаю неловкость и незащищенность. Сейчас я отдала бы все что угодно даже за бабушкины панталоны. Я с неохотой надеваю пиджак, стараясь не обращать внимания на боль от сжимающего грудь корсета, и плотнее закутываюсь в плотную ткань.

– У меня ничего нет. – Та небольшая сумма наличных, спрятанных на дне моего рюкзака, сущие гроши для него. Да одна только его тачка стоит больше, чем весь «Дэдди-Джи»!

В ответ Ройал лишь поднимает одну бровь. Теперь, когда он остался в одной рубашке, я вижу его руки, его часы, которые выглядят... в точности как те, что есть у меня. Его взгляд следует за моим.

– Узнаешь?

Это не вопрос. Мужчина поднимает запястье, чтобы мне было лучше видно. У часов простой черный кожаный ремешок, корпус из золота высшей пробы, серебряные кнопки и выпуклое стекло. Цифры и стрелки светятся в темноте.

– Ни разу в жизни не видела, – вру я, во рту у меня пересохло.

– Правда? Это часы фирмы «Орис». Швейцарские, ручная работа. Подарок в честь окончания учебки[4 - Имеется в виду школа углубленной воздушно-десантной подготовки в спецназе ВМС США «Морские котики»]. Мой лучший друг, Стив О’Халлоран, получил такие же. Сзади выгравировано...

Non sibi sed patriae.

Я нашла значение этой фразы, когда мне было девять, после того как мама рассказала мне историю моего рождения: «Прости, малышка, но я переспала с моряком. Он оставил мне только свое имя и эти часы». «И меня», – напомнила я. Мама взъерошила мне волосы и сказала, что я самое лучшее во всей ее жизни. И снова от чувства утраты у меня екает в сердце.

– ...Это означает «не за себя, но за родину»[5 - Эта латинская фраза служит девизом ВМС США и выгравирована над входом в часовню при Военно-морской академии США.]. Часы Стива пропали восемнадцать лет назад. Он говорил, что потерял их, но новые так и не купил. Вообще с тех пор никогда не носил никаких других. – Ройал печально усмехается. – И всегда, когда опаздывал, приводил это в качестве оправдания.

Я невольно наклоняюсь вперед, желая узнать больше о Стиве О’Халлоране, о том, что, черт побери, такое «учебка» и как познакомились эти двое. Но тут же мысленно даю себе пощечину и отодвигаюсь обратно к дверце.

– Классная история, приятель. Но какое отношение все это имеет ко мне? – Я бросаю взгляд на Голиафа за рулем и повышаю голос: – Вы оба только что похитили несовершеннолетнюю, что является преступлением в пятидесяти штатах. Разве не так?

– Преступлением будет считаться любое похищение, вне зависимости от возраста жертвы, – соглашается Ройал. – Но я твой опекун, а ты была участницей незаконных действий, так что у меня есть право забрать тебя.

Я принуждаю себя язвительно расхохотаться.

– Не знаю, что вы там себе думаете, но мне тридцать четыре. – Я открываю рюкзак и, отложив в сторону часы, которые являются точной копией тех, что сияют на левом запястье Ройала, достаю свое удостоверение личности. – Видите? Маргарет Харпер. Тридцать четыре года.

Мужчина выхватывает удостоверение из моих пальцев.

– Метр семьдесят четыре. Пятьдесят девять килограмм. – Его взгляд пробегает по моей фигуре. – Как по мне, килограмм пятьдесят здесь наберется, но, подозреваю, ты так похудела, потому что все время в бегах.

В бегах? Откуда, черт возьми, ему это известно?

Словно прочитав мои мысли, он фыркает.

– У меня пятеро сыновей. Меня уже ничем не проведешь. Я смогу узнать подростка даже под толстым слоем косметики.

Я с каменным выражением смотрю на него. Кем бы он ни был, этот мужчина, я ничего ему не скажу.

– Стивен О’Халлоран – твой отец. – Ройал тут же исправляется. – Вернее, был. Стивен О’Халлоран был твоим отцом.

Я поворачиваюсь к окну, чтобы этот незнакомец не смог увидеть, как на мгновение мое лицо искажается от боли. Конечно, мой папа мертв. Как иначе.

Мое горло сжимается, и на меня накатывает ужасное ощущение, что сейчас я разревусь. Слезы для малышей. Слезы для слабых. А плакать об отце, которого я никогда не знала? Самая настоящая слабость.

Несмотря на шум двигателя, я слышу звон стекла о стекло и знакомый звук льющегося в стакан алкоголя. Через мгновение Ройал вновь начинает говорить:

– Мы с твоим папой были лучшими друзьями. Мы вместе росли. Вместе учились в колледже. Шутки ради решили записаться в ВМС. В конце концов, мы вступили в подразделение «Морских котиков», но наши отцы решили, что хотят отойти от дел. И вместо того, чтобы отдать свой служебный долг родине, мы вернулись домой и взяли в свои руки бразды правления семейным бизнесом. Самолетостроением, если вдруг тебе интересно.

«Конечно, чем же вам еще заниматься!» – мрачно думаю я.

Мужчина не обращает внимания на мое молчание. Или принимает его за разрешение продолжить свой рассказ.

– Пять месяцев назад Стив погиб, совершая полет на дельтаплане. Но незадолго до своей смерти... словно у него было какое-то предчувствие, – Ройал качает головой, – он передал мне конверт и сказал, что это, возможно, самое ценное письмо из всех, что он когда-либо получал. Уезжая, Стив планировал, что мы вместе изучим его, когда он вернется, но неделю спустя приехала его жена и сообщила о его смерти. Я отложил письмо, чтобы разобраться с... определенными сложностями, вызванными смертью Стива и его вдовой.

Сложности? Что он имеет в виду? Ты умираешь и все, нет? Но то, с какой гадливостью мужчина произнес слово «вдова», вызывает во мне желание узнать о ней больше.

– Пару месяцев назад я вспомнил о письме. Хочешь знать, о чем там говорилось?

Зачем нужно так сильно меня дразнить? Конечно же, я хочу это знать, но не собираюсь радовать его своим ответом. Я прижимаюсь щекой к стеклу.

В молчании мы проезжаем несколько кварталов, и Ройал наконец произносит:

– Это письмо было написано твоей матерью.

– Что? – шокированная услышанным, я резко поворачиваюсь к нему.

И вижу, что вид у мужчины не самодовольный, как раньше, а уставший. На его лице отражается вся горечь от потери своего друга, моего папы, и впервые я

вижу Каллума Ройала тем, за кого он себя выдает: отцом пятерых сыновей, потерявшим лучшего друга, которого застало врасплох невероятное известие.

Машина вдруг останавливается. Я выглядываю в окно и вижу, что мы уже не в городе. Вдаль уходит длинная ровная полоса, рядом с ней – большой одноэтажный металлический ангар и башня. Рядом со ангаром стоит большой белый самолет. «Атлантик Авиэйшн» выведено на его борту. Когда Ройал сказал, что строит самолеты, я не представляла, что они окажутся такими. Не знаю, что я ожидала увидеть, но точно не огромный реактивный самолет, который может перевозить сотню человек.

– Это ваш? – Я изо всех стараюсь скрыть свое изумление.

– Да, но мы едем дальше.

Я убираю пальцы с неподдающейся серебристой ручки на дверце.

– То есть?

Я забываю о том, что меня похитили, о существовании – и смерти – отца, благодаря которому появилась на свет, и о таинственном письме, потому что с открытым ртом наблюдаю, как мы, минуя ангар, проезжаем через ворота на поле, которое оказывается аэродромом. В хвостовой части самолета опускается нижняя часть люка, и когда площадка ударяется о землю, Голиаф направляет автомобиль вверх по наклонной плоскости.

Я разворачиваюсь, чтобы выглянуть через заднее стекло, когда грузовой трам громко возвращается на прежнее место. Как только исчезает последняя щель, замки машины с тихим щелчком открываются. Я свободна. Почти.

– Прошу, – показывает Каллум на дверцу, которую открыл для меня шофер.

Крепко стянув лацканы пиджака, я стараюсь взять себя в руки. Даже этот самолет слишком хорош для меня, все еще облаченную в заимствованный из стрип-клуба корсет и неудобные туфли на высоких каблуках.

– Мне нужно переодеться. – К счастью, мне почти удастся справиться со своим голосом. Мне не раз доводилось попадать в неприятные, постыдные ситуации, и за эти годы я выучила, что лучшая защита – это нападение. Но сейчас мое положение самое что ни на есть плачевное. Я не хочу, чтобы кто-то – ни Голиаф, ни экипаж самолета – увидел меня в таком наряде.

Я впервые на борту самолета. Моим средством передвижения всегда были автобусы или, когда совсем не оставалось выбора, попутные фуры. Эта же штука огромная, настолько огромная, что может вместить в себя машину. Здесь наверняка найдется какой-нибудь закуток, где я смогу переодеться.

Взгляд Каллума смягчается, и он коротко кивает Голиафу.

– Мы будем наверху. – Он показывает в другой конец этого похожего на гараж помещения. – Вон за той дверью лестница. Поднимайся, когда будешь готова.

Как только я остаюсь одна, сразу же сбрасываю неудобные тряпки и натягиваю самое удобное нижнее белье, широкие джинсы, майку и фланелевую рубашку, которую я обычно просто набрасываю, но сейчас застегиваю на все пуговицы, кроме самой верхней. Пусть вид у меня как у нищей, зато тело прикрыто одеждой.

Я запихиваю костюм в рюкзак и заодно проверяю, на месте ли мои деньги. Слава богу, они там, куда я их положила, как и часы Стива. Без них запястье словно голое, ну а раз уж этот Ройал все знает, я могу их надеть. Как только ремешок обхватывает мою руку, я внезапно чувствую себя лучше, сильнее. Теперь я могу смело встретить все, что приготовил для меня Каллум Ройал.

Закинув рюкзак на плечо, я направляюсь к двери, попутно обдумывая план действий. Мне нужны деньги. У Каллума они есть. Еще мне нужно новое жилье и быстро. Если я смогу получить от него необходимую сумму, то выберу новое место и начну все сначала. Я знаю, как это делать.

У меня все будет хорошо.

Все будет хорошо. Если буду повторять себе эту ложь, то поверю в нее... даже если это неправда.

Когда я поднимаюсь на верхнюю ступеньку, меня уже ждет Каллум. Он представляет меня шоферу.

– Элла Харпер, это Дюран Сахади. Дюран, а это дочь Стивена, Элла.

– Приятно познакомиться, – удивительно низким голосом произносит Дюран. Ничего себе, у него голос как у Бэтмена. – Я сожалею о вашей утрате.

Он склоняет голову, и это так чертовски мило, что было бы грубо не отреагировать. Опустив рюкзак, я пожимаю протянутую мне руку.

– Спасибо.

– Благодарю, Дюран. – Каллум отпускает шофера и поворачивается ко мне. – Располагайся. Мне уже хочется вернуться домой. До Бэйвью нам лететь час.

– Час? Вы пригнали сюда самолет ради часовой поездки? – восклицаю я.

– Поездка на машине заняла бы шесть часов – путь неблизкий. Мне и так понадобилось девять недель и целая армия детективов, чтобы разыскать тебя.

У меня нет иных вариантов, кроме как последовать за Каллумом к кожаным креслам кремового цвета, расположенным напротив друг друга, между которыми стоит черный деревянный столик с серебристыми вставками. Мужчина усаживается в одно из кресел и жестом предлагает мне то, что напротив. На столе уже стоят стакан и бутылка, словно персонал знает, что ему нужно выпить, чтобы действовать.

Еще пара кресел с другой стороны прохода, а за ними диван. Интересно, я могла бы работать у Ройала стюардессой? Этот самолет еще круче, чем его машина. Да я согласилась бы жить здесь!

Я сажусь и опускаю рюкзак на пол между ног.

– Хорошие часы, – сухо произносит Ройал.

– Спасибо. Их дала мне мама. Сказала, это единственное, что оставил ей мой отец, кроме своего имени и меня, конечно. – Больше нет смысла лгать. Если его армия частных детективов нашла меня в Кирквуде, то наверняка о нас с мамой ему известно больше, чем даже мне самой. И Каллум точно может рассказать мне о моем отце, а я, несмотря ни на что, ужасно хочу узнать о нем как можно больше.

– Где письмо?

– Дома. Я отдам его тебе, когда мы приедем. – Мужчина открывает кожаный кейс и выкладывает пачки долларов – совсем как в кино, – обернутые белой лентой. – Элла, я хочу заключить с тобой сделку.

Я знаю, что мои глаза сейчас огромные, как блюдца, но ничего не могу с собой поделать. Мне еще ни разу не случалось видеть так много стодолларовых купюр.

Ройал двигает кучку денег по темной поверхности стола до тех пор, пока она не оказывается прямо передо мной. Может, это какая-то телевикторина или реалити-шоу? Я захлопываю рот и пытаюсь вызвать в себе жесткость. Никому не позволю делать из меня дурочку.

– Что ж, слушаю, – скрестив руки на груди и с подозрением глядя на него, говорю я.

– Как я понял, ты танцуешь в клубах, чтобы заработать на жизнь и получить аттестат о среднем образовании. Полагаю, потом ты хотела бы поступить в колледж, покончить со стриптизом и получить профессию. Возможно, ты могла бы стать бухгалтером, или врачом, или юристом. Эти деньги – жест доброй воли. – Мужчина стучит пальцем по купюрам. – Здесь десять тысяч долларов. Каждый месяц, пока ты остаешься со мной, я буду давать тебе точно такую же сумму наличными. Если ты останешься со мной до окончания школы, то получишь бонус в двести тысяч. Эти деньги позволят тебе оплатить высшее образование, жилье, одежду, еду. Если ты окончишь университет со степенью, получишь еще одно солидное вознаграждение.

– В чем подвох?

У меня руки чешутся схватить деньги, найти парашют и вырваться из цепких лап Каллума Ройала. Но все, что я могу, – это, застыв, выслушать, что за мерзость мне придется сделать, чтобы получить эти деньги. Вопрос, через что я никогда не смогу переступить, даже ради этого.

– Я хочу лишь одного, чтобы ты не сопротивлялась. Чтобы не пыталась убежать. Ты смиришься с тем, что я твой опекун. Ты будешь жить в моем доме. Обращаться с моими сыновьями как со своими братьями. Если ты будешь выполнять все эти требования, у тебя будет жизнь, о которой ты мечтала. – Мужчина умолкает. – Жизнь, которую бы хотел для тебя Стив.

– А что я должна буду сделать для вас? – Мне нужно, чтобы он высказал абсолютно все требования.

Глаза Каллума расширяются, а лицо бледнеет.

– Для меня – ничего. Ты очень красивая девочка, Элла, но ты девочка, а я мужчина сорока двух лет и отец пятерых сыновей. Более того, у меня есть привлекательная подруга, которая удовлетворяет все мои потребности.

Бе-е-е! Я поднимаю руку.

– Ладно-ладно, без подробностей.

Каллум с облегчением смеется, но тут же его тон снова становится серьезным.

– Я понимаю, что не смогу заменить тебе родителей, но ты можешь обращаться ко мне со всеми проблемами, с какими пришла бы к ним. Да, ты потеряла всех членов семьи, но ты больше не одна, Элла. Теперь ты член семьи Ройалов.

Глава 4

Мы приземляемся, но даже прижавшись носом к стеклу, я не могу ничего разглядеть – слишком темно. Единственное, что удастся рассмотреть, – это мигающие огни на взлетно-посадочной полосе. Но даже когда шасси самолета

касаются земли, Каллум не дает мне возможности изучить окрестности. Машина, на которой мы приехали, остается в самолете. Должно быть, это автомобиль «для путешествий», потому что Дюран провожает нас к другому – блестящему черному седану. Стекла затонированы так сильно, что я понятия не имею, где именно мы едем, но вот Каллум опускает окно, и я чувствую это – соленый запах. Океан.

Значит, мы на побережье. Северная Каролина или Южная? Шестичасовое путешествие из Кирквуда как раз привело бы нас на берег Атлантического океана, тем более что слово «Атлантик» – часть названия компании Каллума. Но все это не имеет никакого значения. Важны лишь пачки хрустящих банкнот в моем рюкзаке. Целых десять тысяч! Я до сих пор не могу в это поверить. Десять тысяч в месяц. И еще чертова куча денег после окончания школы.

Здесь должен быть подвох. Возможно, Каллуму и удалось убедить меня в том, что он не ожидает от меня никаких... особых одолжений, но, как говорится, не учи рыбу плавать. Во всем и всегда скрывается ловушка, и рано или поздно я о ней узнаю. Но тогда у меня будет, по крайней мере, десять тысяч долларов, и, если придется, я смогу сбежать.

А пока я буду плыть по течению. Постараюсь быть милой с Ройалом.

И его сыновьями.

Черт, а о сыновьях-то я и забыла. Он сказал, что их пятеро.

Насколько гадкими они могут оказаться? Пять избалованных богатеньких мальчиков? Ха! Да я имела дело с субъектами похуже. Взять, к примеру, одного из дружков моей мамы, бандита по имени Лео. Он начал распускать руки (мне тогда было двенадцать), но потом, после того как я ударила его под дых и чуть не сломала руку, научил меня, как правильно сжимать ладонь в кулак. После этого мы с ним сдружились. Его советы по самозащите весьма пригодились мне позже, когда меня пытался облапать следующий мамин ухажер. Да, маме необыкновенно везло на козлов.

Но я стараюсь не судить ее. Мама из кожи вон лезла, чтобы выжить, и я никогда не сомневалась в ее любви ко мне.

Через полчаса Дюран притормаживает перед воротами. От шофера нас отделяет перегородка, но я слышу звук электрического сигнала, потом шорох механического вращения, после чего машина продолжает двигаться, но уже медленнее. Когда, наконец, автомобиль полностью останавливается, в салоне раздается щелчок – замки открыты.

– Вот мы и дома, – тихо произносит Каллум.

Мне хочется поправить его – для меня такого места не существует – но я держу язык за зубами.

Дюран открывает для меня дверцу и протягивает руку. Когда я вылезаю, у меня подгибаются колени. Перед огромным гаражом припаркованы еще три машины – два черных внедорожника и вишневый пикап, который выбивается из общей картины.

Каллум ловит мой взгляд и печально улыбается.

– Раньше было три «Рендж-Ровера», но Истон поменял свой на пикап. Подозреваю, ему нужна машина попросторнее, чтобы возить подружек.

Он говорит это не с укором, скорее, смирившись. Должно быть, Истон – один из его сыновей. Но в его тоне мне слышится... что-то еще. Может, беспомощность? Я познакомилась с этим мужчиной всего несколько часов назад, но тяжело представить, что такой, как Каллум, может демонстрировать беспомощность, и мои защитные стены вновь поднимаются.

– Первые несколько дней тебе придется ездить в школу с мальчиками, – добавляет он. – Пока я не куплю тебе машину. – И тут мужчина с подозрением прищуривается. – Кстати, а у тебя есть права, где указаны твои настоящие имя и возраст?

Я неохотно киваю.

– Хорошо.

И тут до меня доходит другое.

– Вы купите мне машину?

– Так будет лучше всего. Мои сыновья... – Ройал словно подбирает нужные слова, – не сразу сходятся с незнакомыми людьми. Но тебе же нужно как-то добираться до школы, так что... – Он пожимает плечами и повторяет: – Так будет лучше всего.

Я не могу справиться с охватившим меня подозрением. Что-то здесь не так. С этим мужчиной. С его детьми. Может, мне стоило сильнее сопротивляться, чтобы выбраться из его машины еще в Кирквуде. Может...

Все мысли тут же вылетают из головы, стоит мне наконец перевести взгляд на дом.

Нет, на дворец. Дворец Ройалов. Королевский дворец.

Это что-то нереальное. Высотой всего в два этажа, здание раскинулось так широко, что мой взгляд не может охватить его целиком. И окна, они повсюду. Наверное, у архитектора, который спроектировал этот дом, была аллергия на стены. Или он до смерти боялся вампиров.

– Вы... – В смятении я умолкаю. – Вы живете здесь?

– Мы живем здесь, – поправляет он меня. – Теперь, Элла, это и твой дом тоже.

Нет, это место никогда не станет моим домом. Я не принадлежу миру роскоши и только в трущобах чувствую себя как в своей тарелке. С ними я отлично знакома. Там мне комфортно, потому что нищета не окружает тебя ложью. Она не обернута в красивую упаковку. Там все так, как оно есть на самом деле.

Этот дом – иллюзия. Она ослепляет своей красотой, но мечта, которой пытается увлечь меня Каллум, хрупкая как бумажный лист. Ничто не сияет вечно в этом мире.

Внутри здание оказывается таким же экстравагантным, как и снаружи. Просторный холл выложен белой, с прожилками серого и золотого, плиткой – как в банках или приемных дорогих врачей. Потолок словно растворяется в небе, и

мне хочется прокричать что-нибудь, только чтобы услышать, каким долгим будет эхо.

Лестницы, поднимающиеся по обе стороны от входа, соединяются в балкон, который выдвигается над холлом. В люстре, что висит надо мной, должно быть, сотни лампочек и так много хрусталя, что если она упадет, все покроется толстым слоем стеклянной пыли. Такое ощущение, что ее притащили сюда из отеля. Я бы не удивилась, окажись это правдой.

Все в этом доме так и кричит об огромных деньгах.

В то же самое время Каллум настороженно следит за мной – словно ему удалось залезть ко мне в голову и он понимает, насколько я близка к тому, чтобы запаниковать. Чтобы убежать отсюда без оглядки, потому что, черт побери, мне здесь не место.

– Я понимаю, как сильно это все отличается от того, к чему ты привыкла, – глухим голосом произносит он, – но ты освоишься, со временем. Тебе здесь понравится. Обещаю.

Я тут же застываю.

– Не нужно давать обещаний, мистер Ройал. По крайней мере, мне – никогда.

Он кажется ошеломленным.

– Называй меня Каллум. И я намереваюсь выполнить все, что пообещал тебе, Элла. Точно так же я вел себя по отношению к твоему отцу.

Я немного смягчаюсь.

– Вы... э-э-э... – Мне трудно подобрать слова. – Вы действительно любили моего... Стива?

– Он был моим лучшим другом, – искренне отвечает Каллум. – Я доверял ему свою жизнь.

Здорово, что тут сказать. Единственный человек, которому доверяла я, мертв. Мертв и лежит в земле. Я думаю о маме, и меня вдруг охватывает такая тоска по ней, что сжимается горло.

– Э-э-э... – Я пытаюсь говорить безразличным тоном, словно слезы не застилают мне глаза и я не готова вот-вот сорваться. – У вас есть дворецкий? Или экономка? Кто следит за порядком в этом доме?

– У нас есть прислуга. Тебе не придется скрести полы, чтобы отрабатывать свое проживание. – Его улыбка гаснет под моим мрачным взглядом.

– Где мое письмо?

Каллум, должно быть, чувствует, что я вот-вот сорвусь.

– Послушай, уже поздно, а у тебя было достаточно приключений на сегодня, – говорит он мягко. – Давай перенесем этот разговор на завтра? Мне бы хотелось, чтобы ты как следует выспалась. – Он понимающе смотрит на меня. – У меня такое ощущение, что ты уже давно не выспалась.

Он прав. Я делаю вдох, а потом медленно выдыхаю.

– Где моя комната?

– Я отведу тебя... – Услышав звук шагов над нашими головами, Каллум замолкает, и я замечаю, как в его взгляде мелькает одобрение. – А вот и они. Гидеон сейчас в колледже, но я попросил остальных спуститься, чтобы познакомиться с тобой. Они не всегда меня слушаются...

Видимо, как сейчас, потому что младшие Ройалы, похоже, не собираются делать то, о чем просил их отец. Они полностью меня игнорируют. С тех пор как эти четыре темноволосые фигуры появились у выгнутой балюстрады балкона, никто из них не удостоил меня взглядом.

У меня прямо-таки отвисает челюсть, но я быстро прихожу в себя, готовая с боем встретить исходящую сверху агрессию. Я не позволю им увидеть, как сильно они вывели меня из равновесия. Но черт побери, я потрясена. Нет, даже напугана.

Потому что мальчишки Ройалы оказались совсем не такими, как я их себе представляла. Они не похожи на мелких засранцев в дорогуших шмотках. Скорее, их можно назвать вселяющими ужас громилами, которым не составит труда сломать меня, как щепку.

Каждый под два метра ростом, как и их отец. Отличаются только фигурами: те двое, что справа – стройнее, двое слева – широкоплечие с мускулистыми руками. Должно быть, серьезно занимаются спортом. Ради таких рельефных мышц нужно вкалывать, добиваться их потом и кровью.

Теперь я уже нервничаю, потому что воцаряется напряженное молчание, которое не прерывает даже Каллум. Я замечаю, что у всех сыновей глаза того же цвета, что и у него, – ярко-синего. Их пронизывающие взгляды устремлены на отца.

– Мальчики, – наконец произносит Каллум. – Поздоровайтесь с нашей гостьей. – Тут он качает головой и поправляется: – Поздоровайтесь с новым членом нашей семьи.

Тишина.

Как-то жутко.

Тот, что стоит в центре, криво усмехается, опираясь руками на перила, но ничего не говорит.

– Рид. – Повелительный голос Каллума эхом отражается от стен. – Истон. Соьер. Себастиан, – грохочет Каллум. – Спускайтесь. Сейчас же.

Парни не двигаются с места. Тут я понимаю, что двое справа – близнецы, которые не только выглядят абсолютно одинаково, но даже застыли в одной позе, высокомерно сложив руки на груди. Один из них незаметно посылает взгляд в сторону – почти неуловимое движение глазами – на брата, который стоит крайним слева.

По мне пробегает холодок. Вот из-за кого нужно беспокоиться. Вот кого нужно опасаться.

И только он один, склонив голову, оценивающе оглядывает меня. Когда наши взгляды встречаются, мой пульс ускоряется. От страха. Возможно, при других обстоятельствах это произошло бы по другой причине. Потому что парень ослепительно красив. Как и остальные.

Но именно этот пугает меня, и я изо всех сил стараюсь скрыть свою реакцию. И с вызовом встречаю его взгляд. Спускайся, Ройал. Давай же.

Его темно-синие глаза чуть прищуриваются. Он чувствует мое безмолвное противостояние. Парень видит мою непокорность, и ему это не нравится. И тут он разворачивается и уходит. Остальные, словно по команде, следуют за ним. Открыто демонстрируя неуважение к своему отцу. Шаги эхом раздаются по огромному дому. Хлопают двери.

Каллум вздыхает.

– Прости за эту сцену. Мне казалось, сыновья поняли меня – у них было время подготовиться к твоему приезду – но, очевидно, им нужно больше времени, чтобы осознать все это.

Все это? Он имеет в виду меня. Мое присутствие в их доме, то, что теперь я связана с их отцом, которого до сегодняшнего дня знать не знала.

– Уверен, завтра утром они будут более приветливыми, – рассуждает Каллум. Однако звучит это так, будто он пытается убедить сам себя.

Но меня ему ни черта не удалось убедить.

Глава 5

Я просыпаюсь в незнакомой кровати, и это мне не нравится. Нет, не кровать, которая просто фантастическая: в меру мягкая, с гладкими простынями, совсем не похожими на грубые тряпки, на которых я спала раньше, если мне вообще удавалось уснуть в постели. Потому что миллионы раз это были просто нейлоновые спальные мешки, которые со временем начинали вонять.

Эта же кровать пахнет медом и лавандой.

Но окружающие меня роскошь и удобство пугают, потому что по собственному опыту я знаю, что красота обычно скрывает нечто гадкое. Как-то раз мама вернулась с работы и объявила, что мы переезжаем в местечко получше. За нами приехал высокий худой мужчина, помог собрать пожитки, и спустя несколько часов мы уже располагались в его маленьком жилище – милейшем домике с клетчатыми занавесками на окнах, где мне выделили собственную спальню.

Но той же ночью я проснулась от криков и звона стекла. В мою комнату влетела мама, вытащила меня из кровати, и мы выскочили из этого дома. И только когда через пару кварталов мы остановились, я увидела, что у нее разбита скула.

Так что за милым фасадом не всегда живут милые люди.

Я сажусь и оглядываюсь по сторонам. Эту комнату будто готовили для принцессы – причем маленькой. Так много розового цвета и рюшей, что тошнит. Не хватает только постеров из мультиков Диснея, но, наверное, постеры – это для низших слоев, они бы сюда не вписались, как и мой дешевенький рюкзак, валяющийся на полу у двери.

В голове вспыхивают воспоминания о вчерашних событиях и останавливаются на пачке стодолларовых купюр. Я вскакиваю с кровати и хватаю рюкзак. Рывком открыв его, облегченно вздыхаю – деньги на месте. Я провожу большим пальцем по пачке и слушаю этот прелестный звук шороха банкнот, нарушивший тишину комнаты. Я могла бы взять их и уйти прямо сейчас. Десяти штук баксов мне хватило бы надолго.

Но... Каллум Ройал обещал мне еще больше, если я останусь. Кровать, своя комната, десять тысяч каждый месяц до тех пор, пока я не окончу школу... и только за то, что я буду ходить на учебу? Жить в особняке? Водить собственную машину?

Я запихиваю деньги в потаенный кармашек на дне рюкзака. Подожду пока. Ничто не мешает мне уехать завтра или через месяц, или еще через месяц. В любую минуту, когда что-то пойдет не так, я смогу свалить.

Теперь, когда деньги надежно спрятаны, я вываливаю содержимое рюкзака на кровать и критически осматриваю вещи. Из одежды у меня две пары джинсов-скинни и пара широких, которые я надевала, чтобы незамеченной уйти из стрип-клуба домой; пять футболок, пять трусиков, один лифчик; корсет, стринги и туфли на высоченных каблуках, в которых я танцевала прошлой ночью. И еще красивое платье, которое когда-то принадлежало маме. Оно черное, короткое, и в нем моя грудь кажется больше. В чемоданчике для макияжа большей частью тоже те средства, которыми пользовалась мама, но есть несколько, доставшихся от стриптизерш, с которыми мы познакомились. Содержимое этого чемоданчика само по себе потянет на штуку баксов.

Еще у меня есть сборник стихов Одена[6 - Оден, Уистен Хью (1907-1973) – англо-американский поэт.] – наверное, самая романтичная и бессмысленная вещь среди моих пожитков. Я нашла эту книгу на столике в одной из кофеен; посвящение, написанное автором, слово в слово совпадало с гравировкой на моих часах. Я не могла ее не взять. Это была судьба, хотя, в общем-то, я не особо верю в эту фигню. Судьба для слабаков – тех, у кого нет достаточной власти над жизнью или нет желания сделать ее такой, какой они сами хотят. Я пока немного прошла по этой дороге. У меня нет власти, но когда-нибудь будет.

Я провожу рукой по обложке книги. Может, мне удастся найти работу на неполный день и подрабатывать официанткой. Круто, если это окажется стейк-хаус. Тогда у меня будут деньги на карманные расходы, и мне не придется ничего брать из этих десяти тысяч, тем более что для меня они уже стали неприкосновенными.

Меня пугает стук в дверь.

– Каллум? – спрашиваю я.

– Нет, это Рид. Открывай.

Я опускаю глаза на свою огромных размеров футболку, в прошлом принадлежавшую одному из маминых дружков. Она почти полностью скрывает все, что должно быть скрыто, но я не собираюсь стоять под осуждающим и яростным взглядом одного из братьев Ройалов, пока не буду полностью готова. А это означает, мне нужно одеться и накраситься в стиле «плохой девочки».

– Я в неподобающем виде.

– Да плевать я хотел. У тебя есть пять секунд, а потом я вхожу. – Его слова звучат категорично и резко.

Придурок. Я не сомневаюсь, что с такими бицепсами этот парень с легкостью вынесет мою дверь.

Я топаю к ней и рывком открываю.

– Чего тебе?

Он бесцеремонно окидывает меня взглядом с головы до ног, и, хотя край моей футболки свисает почти до колен, у меня такое ощущение, будто я стою перед ним голая. Меня это жутко раздражает, и зародившееся вчера недоверие перерастает в искреннюю неприязнь.

– Я хочу знать, что за игру ты ведешь. – Парень делает шаг вперед, и я понимаю – это специально, чтобы выбить меня из колеи. Такие, как он, используют свое тело и как оружие, и как приманку.

– По-моему, тебе лучше поговорить со своим отцом. Это он похитил меня и притащил сюда.

Рид делает еще один шаг, и теперь мы стоим так близко друг к другу, что при каждом вдохе наши тела соприкасаются.

Он так сногшибательно красив, что у меня пересыхает во рту и начинает покалывать в тех местах, которые, мне всегда хотелось в это верить, никогда не смогли бы отреагировать на такого придурка. Но благодаря маме я узнала одну истину – твоему телу могут нравиться вещи, которые ненавидит твой мозг. Поэтому голова должна все контролировать. Это было одним из маминых наставлений в духе «делай, как я говорю, а не как я делаю».

«Этот придурок хочет тебя обидеть!» – кричу я своему телу. Но, несмотря на это, мои соски встают торчком.

– А ты очень сопротивлялась, да? – Он с презрением смотрит вниз, на выпирающие из-под тонкой материи футболки пики.

Мне ничего не остается, кроме как сделать вид, будто мои соски всегда так топорщатся.

– Еще раз повторяю, тебе лучше поговорить с твоим отцом.

Я разворачиваюсь и притворяюсь, словно Рид Ройал не заставляет искриться каждое нервное окончание в моем теле. Я медленно подхожу к кровати и беру пару трусиков. Затем, словно мне плевать на весь мир, скидываю с себя вчерашние и оставляю их лежать на кремовом ковре.

За моей спиной раздается судорожный вдох. Один-ноль в пользу команды гостей.

Изо всех сил стараюсь сохранять невозмутимый вид, я натягиваю свежее белье, неспешно поднимая трусики по ногам под длинный подол футболки. Я физически ощущаю на себе его взгляд, как если бы он касался меня.

– Предупреждаю, какую бы игру ты ни вела, тебе не выиграть. Против нас всех – точно нет. – Его голос стал ниже и грубее. Мое маленькое шоу подействовало на него. Два-ноль. Но я рада, что стою к нему спиной и парень не видит, что его голос и взгляд тоже на меня подействовали. – Если ты уедешь сейчас, тебя никто не тронет. Мы позволим тебе взять все, что дал тебе отец, и никто из нас тебе не мешает. Но если ты останешься, мы тебя сломаем, и тебе придется уползать отсюда.

Я натягиваю джинсы, а затем, по-прежнему не поворачиваясь к нему, начинаю снимать футболку.

Рид хрипло усмехается, а потом я слышу звук быстрых шагов. Его рука сжимает мое плечо, оставляя футболку на месте. Парень разворачивает меня лицом к себе. А потом наклоняется, так близко, что его губы оказываются всего в нескольких миллиметрах от моего уха.

– Хочу тебе сказать: можешь раздеваться передо мной хоть каждый день, но я все равно не захочу тебя, усекла? Пусть мой отец увивается за твоей малолетней задницей, мы-то тебя раскусили.

Горячее дыхание Рида опалает мою шею, и мне приходится использовать всю свою силу воли, чтобы не задрожать. Напугана ли я? Возбуждена? Черт его знает. Но мое тело сейчас в замешательстве. Дерьмо. Я дочь своей матери, не правда ли? Потому что любить мужиков, которые плохо с тобой обращаются, – это, черт побери, было отличительной чертой Мэгги Харпер.

– Отпусти меня, – холодно говорю я.

Его пальцы еще сильнее сжимаются на моем плече, но через секунду Рид уже отталкивает меня. Я чуть не падаю вперед и хватаюсь за кровать.

– Мы не спустим с тебя глаз, – угрожающе говорит парень и выходит из комнаты.

Трясущимися руками я заканчиваю одеваться. Начиная с этого момента, я всегда буду одета в этом доме, даже в собственной комнате. Ни за что больше не позволю этому козлу Риду снова застать меня врасплох.

– Элла?

Я подпрыгиваю от неожиданности и, развернувшись, вижу в проеме открытой двери Каллума.

– Каллум, вы напугали меня, – прижав руку к бешено колотящемуся сердцу, пишу я.

– Прости. – Он входит в комнату, держа в руках потрепанный лист бумаги. – Твое письмо.

Мой удивленный взгляд встречается с его глазами.

– Я, э-э-э... спасибо.

– Не думала, что я действительно отдам его тебе, да?

Я морщусь.

– Честно? Я сомневалась в его существовании.

– Я никогда не обману тебя, Элла. У меня много недостатков. Перечисляя их, мои сыновья смогли бы написать книгу потолще «Войны и мира», но ложь в этот перечень не входит. И я не буду просить от тебя большего, чем просто дать мне шанс. – Мужчина вкладывает письмо в мою ладонь. – Когда закончишь, спускайся вниз позавтракать. В конце коридора есть лестница, она ведет прямо в кухню. Так что приходи, как только будешь готова.

– Спасибо, я спущусь.

Каллум тепло улыбается мне.

– Я так рад, что ты здесь. Какое-то время я даже думал, что мне никогда не отыскать тебя.

– Я... я не знаю, что сказать. – Если бы дело было лишь в Каллуме и во мне, не исключено, что я с облегчением согласилась бы жить здесь. Даже с благодарностью. Но после стычки с Ридом я невероятно напугана.

– Ничего страшного. Скоро ты привыкнешь. Поверь. – Подмигнув мне, словно это должно каким-то образом меня приободрить, мужчина исчезает.

Я опускаюсь на кровать и дрожащими пальцами разворачиваю письмо.

Дорогой Стив,

Не знаю, получишь ли ты когда-нибудь это письмо и согласишься ли в то, что здесь написано. Я посылаю его на адрес морской базы в Литтл-Крике с указанием твоего личного номера. Ты выронил клочок бумаги с этими данными, как и свои часы. Я их сохранила. И каким-то чудом запомнила чертов номер.

Ладно, перейду сразу к делу: после той безумной ночи – через месяц ты отбыл Бог знает куда, я забеременела. Когда это обнаружилось, ты был уже далеко. Парни, твои сослуживцы, не захотели слушать мою историю. Подозреваю, что и ты не очень хочешь ее знать.

Но если тебе не все равно, приезжай. У меня рак. Он уничтожает мой кишечник. Клянусь, я прямо-таки чувствую его внутри, этого паразита. Моя малышка останется одна. Она жизнерадостная. Но жесткая. Жестче, чем я. Я люблю ее. Смерть мне не страшна, я боюсь лишь того, что она останется в одиночестве.

Я понимаю, что между нами был просто бешеный секс, но мы породили самое лучшее существо на свете, черт побери! Ты возненавидишь себя, если хотя бы не познакомишься с ней.

Элла Харпер. Я назвала ее в честь той дешевой музыкальной шкатулки, которую ты выиграл для меня в Атлантик-Сити. Подумала, тебе было бы приятно.

Надеюсь, что ты получишь это письмо вовремя. Она не знает о тебе, но носит твои часы и у нее твои глаза. Ты сразу же узнаешь ее, как только увидишь.

Искренне твоя,

Мэгги Харпер

Я влетаю в свою ванную комнату – тоже ярко-розовую – и прижимаю к лицу полотенце. Не плачь, Элла. Слезами делу не поможешь. Наклонившись над раковиной, я брызгаю водой на лицо, пытаюсь убедить себя, что капли, стекающие в фарфоровую чашу с моего лица, – это лишь вода из-под крана, а не мои слезы.

Взяв себя в руки, я провожу щеткой по волосам и затягиваю их в высокий хвост. Затем наношу на лицо немного тонального крема, чтобы глаза были не такими красными, и все, я готова.

Но прежде чем выйти из комнаты, я запихиваю все вещи в рюкзак и накидываю лямку на плечо. Он будет со мной везде, пока я не найду место, где можно будет

его спрятать.

Я прохожу мимо четырех дверей, и вот она, лестница. Коридор, куда выходит дверь моей комнаты, такой широкий, что по нему можно прокатиться на одной из машин Каллума. Точно говорю, это место когда-то было гостиницей, потому что в голове не укладывается, как у одной семьи может быть такой огромный дом.

Кухня, куда спускается лестница, кажется необъятной. Две плиты, островок с мраморной столешницей, нескончаемый ряд белых шкафчиков. Я замечаю раковину, а вот холодильник и посудомоечную машину не вижу. Наверное, в недрах дома есть еще одна кухня, и меня все-таки, несмотря на заверения Каллума, отошлют туда скрести полы. Вообще-то, я не против. Мне будет куда спокойнее, если я буду получать деньги за настоящую работу, а не за то, чтобы ходить в школу и быть нормальным подростком. Ну вот кто получает деньги за то, что нормально себя ведет? Никто.

В дальнем конце кухни стоит массивный стол, прямо у окон, тоже от пола до потолка, из которых открывается вид на океан. На четырех из шести стульев сидят братья Ройалы. В школьной форме – белые рубашки навыпуск и прямые брюки цвета хаки. Синие пиджаки висят на спинках стульев. И каждому из парней удастся выглядеть сногшибательно, но с налетом грубой мужественности.

Это место похоже на Райский сад. Прекрасный, но полный опасности.

– Как тебе приготовить яйца? – спрашивает меня Каллум.

Он стоит у плиты, в одной руке лопатка, во второй – два яйца. Поза у него не очень уверенная. Быстрый взгляд на братьев подтверждает мои подозрения. Каллум не часто готовит.

– Яичница-болтуня будет в самый раз. – Никто не сможет испортить яичницу.

Он кивает и показывает лопаткой на большую дверцу рядом с собой.

– В холодильнике есть фрукты и йогурт, а булочки вот тут, прямо за мной.

Я подхожу к шкафу и открываю его, преследуемая гнетущими, злыми взглядами четырех пар глаз. Это как первый день в новой школе – когда все решают, что будут ненавидеть новенькую, без всякой причины, просто так. Включается свет, и мне в лицо ударяет холодный воздух. Скрытые холодильники. Конечно, зачем кому-то знать, что у вас есть холодильник? Бред какой-то.

Я вытаскиваю контейнер с клубникой и ставлю его на столешницу.

Рид бросает салфетку на стол.

– Я все. Кого подвезти?

Близнецы отодвигают свои стулья, но еще один брат – должно быть, Истон – качает головой.

– Сегодня я забираю Клэр.

– Мальчики, – предупреждающе произносит их отец.

– Все нормально. – Я не хочу становиться источником ссоры или напряжения между Каллумом и его сыновьями.

– Все нормально, папа, – язвительно говорит Рид и поворачивается к своим братьям. – Через десять минут уезжаем.

Они дружно выходят за ним, как стайка утят. Или, правильнее, как рота солдат.

– Прости. – Каллум тяжело вздыхает. – Не знаю, что их так расстраивает. Но я все равно хотел отвезти тебя в школу сам. Хотя надеялся, что сыновья будут более... приветливыми.

Запах гари заставляет нас обоих развернуться в сторону плиты.

– Вот дерьмо! – ругается Каллум.

Я подхожу к нему и вижу черную свернувшуюся массу. Мужчина печально улыбается.

– Я никогда не готовил, но решил, что с яйцами точно смогу справиться. Похоже, ошибался.

Значит, он ни разу в жизни не готовил, но решился на это из-за какой-то незнакомой девчонки, которую привел в свой дом? Теперь понятно, откуда такая неприязнь.

– Вы сильно хотите есть? Потому что я вполне обойдусь фруктами с йогуртом. – Свежие фрукты мне доводилось есть не часто. Да и вообще, свежие продукты – это привилегия богатых.

– Если честно – умираю с голоду. – Мужчина жалобно смотрит на меня.

– Я смогу приготовить яйца... – и прежде чем я успеваю закончить фразу, Каллум достает упаковку бекона, – с беконом, если он у вас есть.

Пока я готовлю, Каллум стоит, привалившись к столешнице.

– Пятеро мальчишек, значит? Настоящая головная боль.

– Их мать умерла два года назад. Они пока так и не пришли в себя. Никто в нашей семье еще не смирился с этой утратой. Мария была связующим звеном между всеми нами. – Он проводит рукой по волосам. – Я редко бывал дома до того, как она умерла. «Атлантик Авиэйшн» переживала не лучшие времена, и я мотался по всему миру, заключая сделки. – Каллум прерывисто вздыхает. – С бизнесом мне удалось все уладить... а вот с семьей все еще в процессе.

Судя по всему, процесс сильно затянулся, но кто я такая, чтобы критиковать воспитательные навыки Каллума. Я издаю неразборчивый гортанный звук, который Каллум воспринимает как знак продолжать дальше.

– Гидеон – самый старший. Сейчас он учится в колледже, но на выходные приезжает домой. Мне кажется, он встречается с какой-то девушкой из города, но я не знаю, с кем. Сегодня вечером вы познакомитесь.

Круто, нечего сказать.

– Здорово. – Ага, так же здорово, как получить клизму.

– Я хочу отвезти тебя в школу, чтобы ты увидела, что к чему. Ну а когда мы все там уладим, Брук, моя девушка, предложила отвезти тебя за покупками. Я так понимаю, в школу ты начнешь ходить с понедельника.

– Как сильно я отстаю?

– Занятия начались две недели назад. Я видел твои оценки, так что, думаю, все будет в порядке, – уверяет он меня.

– У вас хорошие ищайки, раз вы раздобыли даже мое школьное дело. – Я хмуро смотрю на яйца.

– Ты часто переезжала, но да, когда я вычислил полное имя твоей матери, стало несложно тебя отследить и получить всю нужную информацию.

– Мама делала все возможное, чтобы мне было хорошо. – Я вскидываю подбородок.

– Она была стриптизершей. И тебя заставила этим заниматься, да? – со злостью спрашивает Каллум.

– Нет, я сама так решила. – Я перекладываю яичницу на тарелку. Свой чертов бекон пусть готовит сам! Никто не посмеет говорить плохо о моей матери мне в лицо.

Каллум берет меня за руку.

– Послушай, я...

– Я вам не помешал? – доносится со стороны двери холодный голос.

Я разворачиваюсь и вижу Рида. В его голосе лед, но в глазах полыхает огонь. Ему не нравится, что я стою так близко к его отцу. Да, это настоящее свинство, но что-то заставляет меня переместиться еще ближе к Каллуму, почти под его руку. Каллум сосредоточен только на своем сыне и даже не осознает, что я стою почти вплотную к нему. Но прищуренные глаза Рида говорят мне, что он-то все понимает.

Я поднимаю руку и кладу ее на плечо Каллума.

– Нет, я просто готовлю завтрак твоему отцу. – Я сладко улыбаюсь.

Лицо Рида мрачнеет еще больше, если такое вообще возможно.

– Я забыл свой пиджак. – Он подходит к столу и сдергивает пиджак со стула.

– Увидимся в школе, Рид, – поддеваю я его.

Он пронзает меня взглядом, затем разворачивается и уходит. Я опускаю руку. Каллум озадаченно смотрит на меня.

– Ты играешь с огнем.

Я пожимаю плечами.

– Он первый зажег спичку.

Каллум качает головой.

– А мне казалось, что растить пятерых сыновей – это рискованное приключение. Похоже, я еще ничего не видел, да?

Каллум везет меня в школу, где мне предстоит учиться следующие два года. Ну, вернее, Дюран везет. Мы с Каллумом устроились на заднем сиденье. Он листает страницы с какими-то чертежами, а я смотрю в окно, стараясь не думать о том, что совсем недавно случилось в моей спальне, когда туда зашел Рид.

Проходит десять минут, прежде чем Каллум, наконец, отрывается от своих бумаг.

– Прости, так много всего накопилось. Я брал отпуск после смерти Стива, а теперь совет директоров стоит у меня над душой.

Мне очень хочется расспросить его о Стиве – был ли он добрым, что ему нравилось, почему он переспал с моей матерью, но так и не вернулся к ней. Однако я молчу. Часть меня не хочет ничего знать о моем отце. Потому что когда мне станет о нем известно больше, он превратится в реального человека. И даже, возможно, хорошего. Но мне проще думать о нем как о каком-то мерзавце, который оставил мою маму.

Я показываю на бумаги.

– Это чертежи ваших самолетов?

Каллум кивает.

– Мы проектируем новый реактивный истребитель. По заказу министерства обороны.

Обалдеть. Он конструирует не только простые самолеты. Но и военные. Это же огромные деньги! Хотя, учитывая размеры их дома, тут нечему удивляться.

– А мой о... Стив. Он тоже занимался проектированием?

– Он отвечал за испытательную часть. Я тоже, до определенной степени, но у твоего отца была настоящая страсть к полетам.

Мой папа любил летать на самолетах. Я откладываю эту информацию у себя в сознании.

Я молчу, и голос Каллума становится мягче.

– Ты можешь спрашивать у меня о нем, Элла. Все, что захочешь. Я знал Стива лучше, чем кто-либо.

– Я еще не уверена в том, что готова к этому, – нерешительно отвечаю я.

– Понимаю. Но когда ты будешь готова, я с радостью все тебе расскажу. Он был великим человеком.

Я еле удерживаюсь от замечания о том, что Стив не был таким великим, раз оставил нас с мамой, но мне не хочется ссориться с Каллумом.

Все мысли о Стиве тут же вылетают у меня из головы, как только мы подъезжаем к воротам метров шесть в высоту. Вот так и живут Ройалы? Переезжают от одних ворот к другим? Створки раскрываются, и по мощеной дороге мы катимся к огромному готическому зданию, увитому плющом. Когда мы выходим из машины, оглянувшись, я замечаю еще несколько похожих строений, рассыпанных по безупречно ухоженной территории частной академии «Астор-Парк», между которыми раскинулись широкие зеленые лужайки. Наверное, поэтому «парк» и попало в название школы.

– Жди здесь, – говорит Каллум Дюрану, подходя к открытому со стороны водителя окну. – Я позвоню, когда мы соберемся уезжать.

Черная машина уезжает в направлении парковки, расположенной в конце дороги. Каллум поворачивается ко мне.

– Нас ждет директор Берингер.

Я поднимаюсь за Ройалом по широкой лестнице к главному входу, и все это время мне сложно скрывать, насколько я шокирована: от того, что я вижу, можно запросто спятить. Девиз этого места: деньги и роскошь. Прилизанные газоны и огромный школьный двор пустуют – наверное, все сейчас на занятиях – а на поле вдалеке я замечаю мальчишек в форме, играющих в футбол.

Каллум прослеживает за моим взглядом.

– Ты занимаешься спортом?

– Э-э-э, нет. В смысле, не то чтобы совсем нет – танцы, гимнастика, типа того. Но в спортивных играх я не сильна.

Мужчина поджигает губы.

– А вот это не очень хорошо. Если тыходишь в состав какой-нибудь школьной команды, то тебя освобождают от занятий по физкультуре. Спрошу, есть ли место в группе чирлидинга – ты должна туда подойти.

Я? В группе поддержки? Ага, конечно. Там нужны энтузиасты, а я не очень-то активная.

Мы входим в холл – такие обычно фигурируют в сценах из школьных фильмов. На стенах из дубовых панелей висят портреты выпускников, паркетный пол под нашими ногами блестит. Мимо нас, бросая на меня любопытные взгляды, проходят несколько парней в синих пиджаках.

– Рид и Истон играют в американский футбол – наша команда первая в штате. Близнецы предпочли лакросс, – рассказывает мне Каллум. – Если тебе достанется место в группе чирлидинга, то ты, возможно, окажешься в группе поддержки какой-либо из этих команд.

Интересно, он понимает, что только что подкинул мне еще одну, весьма значимую причину постараться не войти в состав группы поддержки? Ни за что на свете я не буду скакать и махать в воздухе руками ради такого подонка, как Рид.

– Возможно, – бормочу я. – Но я бы предпочла больше внимания уделять учебе.

Каллум проходит к приемной директора с таким видом, словно он уже бывал там сотню раз. И наверняка так оно и есть, потому что седая женщина-секретарь приветствует его широкой улыбкой, будто они старые друзья.

– Мистер Ройал, как приятно видеть вас здесь при столь радостных, наконец-то, обстоятельствах.

Каллум отвечает кривой усмешкой.

– И не говорите! Франсуа готов нас принять?

– Да, проходите.

Встреча с директором проходит на удивление гладко. Может, Каллум дал ему денег, чтобы тот не задавал лишних вопросов о моем прошлом? Но, похоже, что-то ему все-таки рассказали, потому что в самом начале встречи директор спрашивает, как бы я хотела, чтобы меня записали – Эллой Харпер или Эллой О'Халлоран.

– Харпер, – сухо отвечаю я. Никогда не откажусь от фамилии мамы. Это она вырастила меня, а не Стив О'Халлоран.

Мне выдают расписание, в которое включены и занятия в спортзале. Несмотря на мои протесты, Каллум говорит директору Берингеру, что я очень хочу попасть в группу поддержки. Боже. Не понимаю, почему он так против обычной физкультуры.

Когда разговор заканчивается, Берингер пожимает мне руку и говорит, что в холле меня ждет один из учеников, чтобы провести небольшую экскурсию по школе. Я бросаю полный паники взгляд на Каллума, но тот слишком занят беседой о том, какой коварной оказалась девятая лужайка. Очевидно, они с Берингером вместе играют в гольф, и мужчина машет мне рукой, предупредив, что Дюран подаст машину где-то через час.

Закусив губу, я выхожу из кабинета директора. Мне пока трудно разобраться в своих ощущениях. Что касается образования, как мне сказали, оно здесь первоклассное. Но все остальное... школьная форма, помпезные здания... я сюда не вписываюсь. Это мне стало понятно сразу, и когда я вижу своего сопровождающего, понимаю, насколько я права.

Она одета в темно-синюю юбку и белую рубашку – форму школы, но все в ней так и кричит о богатстве – от изысканно уложенных волос до ногтей с французским маникюром. Девушка представляется Саванной Монтгомери. «Да,

те самые Монтгомери», – многозначительно добавляет девица, как будто это должно для меня что-то значить. Но я не имею ни малейшего понятия, кто она такая.

Она сообщает, что тоже учится в одиннадцатом классе, а затем добрых двадцать секунд оценивающе меня разглядывает. Ее нос морщится при виде моих обтягивающих джинсов и майки, потертых армейских ботинок, прически, ногтей без маникюра и поспешно нанесенного макияжа.

– Твою форму доставят тебе домой на этих выходных, – сообщает мне Саванна. – Юбка обсуждению не подлежит, но есть способы носить ее покороче. – Она подмигивает мне и расправляет свою, которая едва закрывает ее бедра. Остальные девушки, которых я заметила в коридоре, носят юбки длиной до колен.

– Что, делаешь минет учителям и получаешь право носить юбку покороче? – вежливо спрашиваю я.

Ее голубые, словно ледышки, глаза испуганно распахиваются.

– Э-э-э, нет, – Саванна выдавливает из себя неловкий смешок. – Просто, если кто-то из учителей начинает жаловаться, суешь Берингеру сотню, и он закрывает на это глаза.

Наверное, здорово жить в мире, где ты можешь просто сунуть кому-то сотню. У меня же водятся только долларовые банкноты. Потому что купюры именно такого номинала обычно запихивали в мои стринги.

Но я решаю не рассказывать об этом Саванне.

– Ладно, давай я тебе тут все покажу, – говорит она, но меньше чем через минуту я понимаю, что она вовсе не собирается помогать мне освоиться. Ей нужна информация.

– Класс, класс, женский туалет. – Ее изящные пальцы с модным маникюром указывают на разные двери, пока мы идем по коридору. – Так что, Каллум Ройал твой законный опекун? Класс, класс, комната отдыха учителей... И как так

получилось?

– Он знал моего отца, – коротко отвечаю я.

– Компаньона Каллума, да? Мои родители были на его похоронах. – Саванна перекидывает свои каштановые волосы через плечо и открывает еще несколько дверей.

– Учебные комнаты девятиклассников, – продолжает она. – Но здесь тебе нечего делать. Десятиклассники в восточном крыле. Значит, ты живешь с Ройалами?

– Да. – Я не вдаюсь в подробности.

Мы быстро проходим мимо длинного ряда шкафчиков, которые совсем не похожи на те узкие, ржавые шкафы в государственных школах, где я училась. Здесь шкафчики выкрашены в темно-синий цвет и по ширине как три обычных. От них отражается солнечный свет, проникающий в коридор из больших окон на противоположной стене.

Прежде чем я успеваю получше осмотреться, мы уже оказываемся на улице и идем по выложенной брусчаткой дорожке, по обеим сторонам которой возвышаются раскидистые деревья. Саванна показывает на увитое плющом здание.

– В этом крыле учится одиннадцатый класс. Все твои занятия будут проходить здесь. За исключением физкультуры – спортзал находится на южной лужайке.

Восточное крыло. Южная лужайка. Кошмар какой-то.

– Ты уже познакомилась с братьями? – Девушка останавливается посреди дорожки, ее пронизательные темные глаза вглядываются в мое лицо. Она снова оценивает меня.

– Ага. – Я бесстрашно встречаю ее взгляд. – Не впечатлена.

В ответ слышу удивленный смешок.

– Тогда ты в меньшинстве. – Ее лицо снова становится серьезным. – Первое, что тебе стоит узнать про «Астор» – здесь правят Ройалы, Элеонор.

– Элла, – поправляю я.

Саванна взмахивает рукой.

– Да неважно. Они задают правила. И заставляют их выполнять.

– И вы все дружно следуете им, как маленькие послушные овечки.

Ее губы едва заметно кривятся в усмешке.

– Только сделай что-то не так, и четыре года здесь станут пыткой.

– Ну а мне плевать на их правила, – пожимая плечами, говорю я. – Пусть я и живу в их доме, но я их не знаю и не хочу узнавать. Я здесь лишь для того, чтобы получить аттестат.

– Ну ладно, тогда, думаю, пришло время для следующего урока про «Астор». – Девушка тоже пожимает плечами. – Единственная причина, по которой я так мила с тобой, это...

Погодите-ка, она считает, что ведет себя мило?

– ...потому что Рид еще не вынес свой вердикт.

Я выгибаю бровь.

– Поясни.

– Одно его слово, и ты здесь – ничто. Ничтожество. Невидимка. Или того хуже.

Теперь усмехаюсь я.

– Это должно было меня напугать?

– Нет, это просто правда. Мы ждали тебя. Нас предупредили и велели пока не вступать в игру.

– Кто? Рид? Король «Астор-Парка»? Ой-ой, я уже вся дрожу.

– Они еще не приняли решение насчет тебя. Но скоро примут. Я познакомилась с тобой пять минут назад, но уже точно могу сказать, каким будет это решение. – Саванна ухмыляется. – У женщин есть шестое чувство. Мы недолго пребываем в неведении относительно того, с кем имеем дело.

Я ухмыляюсь в ответ.

– Точно, недолго.

Очередной пристальный взгляд замирает на мне еще на несколько секунд. Но мне их хватает, чтобы показать, что мне плевать на нее, на Рида и на иерархию в этой школе, которой она, несомненно, следует. Но тут Саванна снова перебрасывает волосы через плечо и широко мне улыбается.

– Ну что, Элеонор, пойдем, я покажу тебе наш футбольный стадион. А это, знаешь ли, настоящее произведение искусства.

Глава 7

Экскурсия Саванны завершается у закрытого бассейна, по размерам не уступающего олимпийскому. Единственное, что она одобряет, это моя фигура. С бесцеремонностью, которая, судя по всему, является чертой ее характера и не вызвана отношением ко мне, Саванна сообщает, что худышки пользуются в школе популярностью.

– Тебе может показаться, что я стерва. На самом деле я просто стараюсь быть честной. «Астор-Парк» не похож на остальные школы. Ведь раньше ты училась в государственной? – Она показывает на мои джинсы, купленные в магазине эконом-класса.

– Да, и что с того? Школа – это школа. Но я тебя поняла. Есть разные компании. Те, кто пользуются популярностью, богатые...

Девушка вскидывает вверх руку, чтобы остановить меня.

– Нет. Ты точно никогда раньше с таким не сталкивалась. Спортзал, где мы уже побывали, помнишь? – Я киваю. – Изначально предполагалось, что там будет заниматься команда по футболу, но семейка Джордан Кэррингтон закатила истерику, и он был переоборудован для общего доступа, за исключением определенных часов. С пяти до восьми утра и с двух до восьми вечера зал открыт только для футболистов. В остальное время им могут пользоваться остальные. Здорово, да?

Я начинаю сомневаться, не шутка ли это, потому что ограничение доступа в спортзал кажется мне нелепым.

– А почему Кэррингтоны так возмутились? – с любопытством спрашиваю я.

– Потому что «Астор-Парк» – это частная школа с большой буквы «Ч». – Саванна устремляется дальше. И как ее остановить? – Каждая семья в штате хочет, чтобы их дети попали сюда, но это привилегированное место. Для того чтобы тебя приняли в академию, нужны не только деньги. Каждый, кто здесь учится, даже те, что на стипендии, оказались в этой школе только потому, что им есть что предложить. Например, они хорошо играют в футбол или могут привести научную команду школы к выигрышу национальной стипендии и тем самым попасть на страницы всех газет страны. А если говорить о Джордан, она капитан танцевальной команды, что, по моему мнению, фактически тот же стриптиз...

Черт, надеюсь, не поэтому этим утром Каллум предложил мне войти в их состав.

– ...но они побеждают, а в «Асторе» любят, когда имя школы появляется в прессе в рубрике «Наши победители».

– Тогда что здесь делаю я? – бормочу я себе под нос.

Но у Саванны, видимо, слух как у супергероя, потому что, распахивая входную дверь, она говорит:

– В какой-то степени ты тоже Ройал. А уж в какой, это мы увидим. Если ты слабая, эта школа сожрет тебя с потрохами, так что советую тебе пользоваться тем, что обеспечивает фамилия Ройал, даже если тебе придется отобрать это силой.

Раздается звук захлопнувшейся дверцы машины, и к нам направляется очень худая платиновая блондинка в обтягивающих джинсах и на высоченных шпильках.

– Здравствуйте... э-э-э... – Незнакомка прикладывает ладонь ко лбу, словно защищая глаза от солнца, хотя в этом нет никакой необходимости, потому что ее лицо закрывают огромные солнечные очки.

– Это подружка Каллума Ройала, – шепчет мне на ухо Саванна. – Тебе не обязательно любезничать с ней. Она всего лишь его временное развлечение.

Поделившись напоследок столь мудрым советом, Саванна исчезает, оставляя меня наедине с тощей.

– Ты, должно быть, Элейн. Я Брук, подруга Каллума. Приехала, чтобы забрать тебя и отправиться по магазинам. – Она хлопает в ладоши, словно это самое увлекательное занятие на свете.

– Элла, – поправляю я ее.

– О, прости! У меня ужасная память на имена. – Брук лучезарно мне улыбается. – Как же мы с тобой повеселимся сегодня!

Я медлю.

– Хм. Нам необязательно ехать за покупками. Ничего страшного, если я потусуюсь в школе до тех пор, пока не приедет автобус.

– О, милая, – хихикает она. – Автобусов здесь нет. К тому же, раз Каллум попросил меня отвезти тебя за покупками, именно так мы и сделаем.

Девушка хватает меня за руку, на удивление крепко, и тащит к лимузину, за рулем которого сидит Дюран. Он начинает мне нравиться.

– Привет, Дюран. – Я машу ему, а потом оглядываюсь на Брук. – Ничего, если я сяду с Дюраном, чтобы ты могла с комфортом устроиться сзади?

– Нет. Мне хочется узнать тебя получше. – Она толкает меня на заднее сиденье и усаживается рядом. – Расскажи мне обо всем.

Я подавляю стон, потому что совсем не горю желанием болтать с подружкой Каллума. Но тут же ругаю себя за это, потому что Брук очень мила со мной. Обычно я стараюсь не осуждать людей, так что заставляю себя немного ослабить оборону. И если уж на то пошло, Брук, в отличие от Ройалов, скорее моего поля ягода, раз даже одноклассницы братьев считают ее «временным развлечением».

Но выглядит она молодо. Очень молодо. Настолько, что Каллум мог бы приходиться ей отцом.

– Особо нечего рассказывать, – пожав плечами, отвечаю я. – Я Элла Харпер. По словам Каллума, Стив О'Халлоран – мой отец.

Брук кивает.

– Да, сегодня утром Каллум сказал мне об этом. Разве это не здорово? Он рассказал, что нашел тебя буквально несколько часов назад и был очень расстроен, выяснив, что твоя мама умерла. – Она берет меня за руку, ее широкая улыбка становится чуть печальной. – Моя мама умерла, когда мне было тринадцать. Аневризма мозга. Я была вне себя от горя и понимаю, что ты чувствуешь.

Когда она сжимает мою руку, я ощущаю, как в горле образуется ком. Мне приходится дважды сглотнуть перед тем, как ответить ей:

– Сожалею о твоей утрате.

На мгновение ее веки, затрепетав, закрываются, словно она тоже старается справиться с нахлынувшими эмоциями.

– Что ж, теперь наша жизнь пошла в гору, не так ли? Знаешь, Каллум и меня спас.

– Ты тоже танцевала в стрип-клубах? – неожиданно для себя самой брякаю я.

Глаза Брук расширяются, и я слышу смешок, после чего она прикрывает рот ладошкой.

– Так этим ты и занималась?

– Я не раздевалась полностью. – Я чувствую себя неловко из-за ее реакции и уже жалею, что зачем-то заговорила об этом.

Она приходит в себя и снова похлопывает меня по руке.

– Прости за мой смех. Дело не в тебе, а в Каллуме. Догадываюсь, что он был вне себя от ужаса. Сейчас он из кожи вон лезет, чтобы быть хорошим отцом для своих мальчиков, и уверена, что для него обнаружить свою маленькую подопечную в стрип-клубе стало настоящим шоком.

Покрасневшая и смущенная, я смотрю в окно. Этот день уже не станет хуже. Сначала эти странные ощущения, вызванные агрессией Рида, потом экскурсия по школе со снисходительной Саванной, а теперь это унижительное признание подружке Каллума. Я ненавижу это чувство, что мне где-то не место. Первый день в школе. Первая поездка на автобусе. Первый...

Легкое похлопывание по лбу прерывает мои мысли.

– Эй, милая, не уходи в себя.

Я поворачиваюсь к Брук.

– Я не уходила в себя, – отвечаю я ей.

– Дерьмо собачье. – Это ругательство получается у нее тихим и нежным. Ее ладонь ложится на мою щеку. – Я не танцевала в стрип-клубе, но только потому, что выбрала кое-что похуже, чтобы выжить. Так что я не стала бы осуждать тебя. Ни за что. Важно то, что прежняя жизнь закончилась и тебе никогда не придется заниматься этим снова. Если ты правильно разыграешь свои карты, то хорошо устроишься. – Затем она легонько шлепает меня по руке. – А теперь широко улыбнись, потому что мы идем по магазинам.

Не буду врать, мне такой план подходит.

– Во сколько нам это обойдется?

Я уже бывала в больших магазинах. Можно набрать вещей на нехилую сумму, особенно если они продаются по скидке. Но у меня будет школьная форма, и будет достаточно лишь парочки шмоток. Новые джинсы. Может, футболка или две. Рядом есть пляж, так что купальник не помешает. Я могу позволить себе спустить несколько сотен долларов.

Лицо Брук озаряется. Она вытаскивает кредитку и машет ею перед моим лицом.

– Ты задаешь не те вопросы. Все за счет Каллума. И поверь, пусть он рассказывает, как несколько лет назад его бизнес чуть не вылетел в трубу, но этот мужик может купить и продать весь этот торговый центр и у него еще останется достаточно средств, чтобы вызывать оргазм даже у самой дорогой в мире проститутки.

Даже не знаю, что на это ответить.

В итоге мы оказываемся в торговой галерее под открытым небом, где полно маленьких магазинов с небольшими коллекциями, но внушительными суммами на ценниках. Когда я все никак не могу заставить себя и решиться сделать хоть какую-то покупку – полторы штуки за пару туфель? Они что, золотые? – в дело вступает Брук и протягивает продавцу вещи, одну за одной.

У нас так много коробок и пакетов, что я боюсь, как бы Дюрану не пришлось менять лимузин на грузовичок. После десятого магазина силы покидают меня, и,

судя по тяжким стонам Брук, она тоже в изнеможении.

– Я посижу здесь, выпью прохладительного, а ты заканчивай. – Она опускается в обитое бархатом кресло и жестом подзывает продавщицу, которая моментально оказывается рядом с ней.

– Что вам подать, мисс Дэвидсон?

– «Мимозу». – Брук машет мне рукой, сжимающей кредитку, которой она пользовалась так часто, что даже странно, как этот пластиковый прямоугольник не растаял в ее пальцах. – Ступай и покупай. Каллум будет разочарован, если ты не вернешься домой с целым грузовиком пакетов. Он сказал мне, что тебе понадобится все.

– Но... я... – Я в совершенной растерянности. Высадите меня у «Уолмарта», да черт, даже у «Гэпа», и там я справлюсь прекрасно. Но здесь? Вся эта одежда слишком дорогая для того, чтобы ее носили, но Брук больше не обращает на меня внимания. Они с продавщицей жарко спорят о том, что будет в тренде этой осенью – серая шерсть или серый твид.

Я неохотно беру кредитку, которая почему-то кажется тяжелее всех кредитных карт, что мне доводилось держать в руках. Может, она скрывает в себе еще одну и поэтому Брук так легко удалось скупить половину торгового центра? Я выбираю для себя еще несколько шмоток, содрогаясь при виде их стоимости, и испытываю искреннее облегчение, когда появляется Дюран, чтобы отвезти нас в замок Ройалов.

По пути домой Брук трещит без умолку и дает мне советы о том, как комбинировать те или иные купленные мною вещи, чтобы получился идеальный дизайнерский «ансамбль». Некоторые ее предложения вызывают у меня смех, и я начинаю осознавать, что вполне неплохо провела этот день с Брук. Да, энтузиазма в ней слишком много, и ее порой заносит, но, возможно, я была несправедлива, когда усомнилась во вкусе Каллума. Что-что, а с Брук хотя бы весело.

– Спасибо за поездку, Дюран, – благодарю я, когда мы тормозим перед входом в особняк. Он паркует машину здесь, а не отъезжает в сторону, как вчера, когда мы приехали из Кирквуда.

Дюран помогает Брук выбраться из машины и подняться по ступенькам. Я иду следом за «временным развлечением», как обозвала девушку Саванна.

– Я принесу все пакеты, – говорит мне мужчина.

Все это заставляет меня чувствовать себя непривычно бесполезной. Мне действительно стоит подыскать себе работу. Может, если у меня появятся собственные деньги и несколько настоящих друзей, то я смогу снова почувствовать себя нормальной.

Когда я мечтала о своем будущем, в моих фантазиях не присутствовали лимузины, особняки, юные грубиянки и дизайнерские лейблы. Маятник моей жизни слишком отклонился совершенно в другую сторону.

В то время как Дюран заносит в дом мои покупки, а мы с Брук идем следом за ним, Каллум уже ждет нас в холле.

– Спасибо за помощь, – говорит он Дюрану.

– Дорогой! – Брук оживает, услышав голос Каллума, и бросается ему на шею. – Мы так здорово повеселились!

Каллум одобрительно кивает.

– Я рад. – Он переводит взгляд на меня. – Гидеон дома. Я хочу, чтобы ты познакомилась с ним... пока мы одни. А потом пообедаем.

– Гидеон? – Глаза Брук загораются. – Как давно я не видела этого милого мальчика. – Она встает на цыпочки и чмокает Каллума в щеку. – Твое предложение пообедать звучит восхитительно. Жду с нетерпением.

Ее голос становится низким, практически вгоняя меня в краску. Каллум неловко откашливается.

– Пойдем, Элла. Я хочу познакомить тебя со своим старшим. – Его голос переполняет гордость, и я с любопытством следую за ним через весь дом

наружу, где роскошный, выложенный бело-голубой плиткой бассейн обрамляет идеально постриженная лужайка.

В воде виднеется силуэт человека, прорезающего гладь бассейна умелыми, ровными взмахами рук. Брук рядом со мной вздыхает. Или, может, это стон. Но любой из этих звуков оправдан, потому что даже сквозь толщу воды можно оценить великолепно сложенное тело старшего сына Каллума. А если судить по достоинствам остальных братьев Ройалов, когда парень окажется на суше, там будет на что посмотреть.

Теперь мне понятно, почему Брук была в таком восторге, услышав его имя, но это как-то гадко, учитывая тот факт, что она встречается с отцом парня. Взрослых сложно понять, решаю я. Не мне осуждать их взаимоотношения.

Сделав еще пару кругов, Гидеон подплывает к краю бассейна и, подтягиваясь на руках, вылезает. Достаточно взгляда на его плавки, чтобы понять: этот парень в воде не мерзнет.

– Папа. – Он проводит полотенцем по своему мокрому лицу, а затем вешает его на шею. Он не замечает или плевать хотел на то, что капающая с него вода залила все вокруг.

– Гидеон, это Элла Харпер, дочь Стива.

Сын Каллума окидывает меня быстрым взглядом.

– Значит, ты нашел ее.

– Нашел.

Они говорят обо мне так, словно я потерявшийся щенок.

Каллум кладет руку мне на плечо и подталкивает меня вперед.

– Рада знакомству, Гидеон. – Я вытираю ладонь о джинсы и протягиваю ему руку.

– Я тоже. – Он пожимает мою ладонь, и, несмотря на холодок в его голосе, старший из братьев Ройалов кажется намного дружелюбнее всех остальных в этом доме, не считая, конечно, его отца. – Мне нужно сделать несколько звонков, – повернувшись к отцу, говорит парень. – Но сначала в душ. Увидимся позже.

Когда Гидеон возвращается в дом, мы дружно разворачиваемся, глядя ему вслед, и я случайно замечаю выражение лица Брук. Отразившийся на нем голод приводит меня в шок. В ее глазах ненасытность – точно такой же взгляд был у моей мамы, когда она видела то, что очень хотела, но не могла себе позволить.

А вот Каллум, кажется, ничего этого не замечает. Он снова поворачивается ко мне, но я никак не могу выкинуть из головы то, что увидела. Брук явно запала на сына Каллума. Я что, единственная, кто об этом догадался?

Прекрати, Элла. Это не твое дело.

– Ну а теперь, как насчет обеда? – предлагает Каллум. – Всего в пяти минутах езды отсюда есть замечательный небольшой ресторанчик. Там подают восхитительные блюда из свежих фермерских продуктов. Очень легкие.

– Конечно. – Я готова сбежать.

– Я тоже поеду, – кивает Брук.

– Если ты не против, сейчас я хотел бы побыть с Эллой наедине. – В его тоне четко слышится, что Каллumu все равно, против она или нет, потому что будет так, как хочет он.

Глава 8

Ланч проходит на удивление приятно. Каллум много рассказывает про Стива, хотя я и не просила об этом, и признается, какое это облегчение – снова говорить о своем лучшем друге. Когда Стивену была нужна его помощь, Каллум бросал все на свете. Даже его жена и сыновья нечасто достаивались такой же

поддержки. Судя по всему, мужская клятва «Морских котиков» была нерушимой.

Каллум не смеется надо мной, когда я спрашиваю, там ли они стали такими друзьями, но кажется, что он еле сдерживает улыбку, когда объясняет мне: BUD/S[7 - Здесь игра слов: buds в значении «приятели, друзья» и BUD/S – программа тренировки в войсках США.] – это еще и программа тренировки спецназа. К тому времени как ланч подходит к концу, старший Ройал начинает нравиться мне немного больше: преданный и целеустремленный, хотя его собственная жизнь пока не поддается контролю. Мы не поднимаем тему его сыновей, но стоит воротам открыться, я напрягаюсь.

– Они привыкнут, – обещает Каллум.

Братья собрались в огромной комнате в конце правого крыла. В игротеке, как называет ее их отец. Даже черные стены нисколько не съедают пространство, и комната не выглядит мрачной. Парни встречают нас с каменными лицами, и мне уже не кажется, что недавнее заверение Каллума когда-либо воплотится в жизнь.

– Куда вы сегодня собираетесь? – будничным тоном спрашивает Каллум.

Поначалу все молчат. Младшие смотрят на Рида, который сидит на краешке барного стула, одной ногой упираясь в пол, вторую поставив на нижнюю перекладину между ножками. Гидеон стоит у бара, опираясь руками о столешницу, наблюдая за этой сценой.

– Гидеон? – окликает его Каллум.

Его старший сын пожимает плечами.

– Джордан Кэррингтон устраивает вечеринку.

Рид разворачивается и мрачно смотрит на Гидеона как на предателя.

– Возьмете Эллу с собой, – приказывает им отец. – Ей будет нелишним познакомиться со своими новыми одноклассниками.

– Там будет выпивка, наркотики и секс, – насмешливо отвечает Рид. – Ты действительно хочешь, чтобы она туда поехала?

– Я бы предпочла остаться дома. – Я решаю вмешаться, но меня никто не слушает.

– Тогда вы пятеро будете за ней присматривать. Теперь она ваша сестра. – Каллум складывает руки на груди. Это состязание воли, и он хочет победить. И кажется, его ничуть не волнуют эти самые «выпивка, наркотики и секс». Круто, что скажешь. Просто чудесно.

– О, ты ее уже удочерил? – с сарказмом спрашивает Рид. – Хотя чему тут удивляться. Это твой метод – делать так, как тебе хочется, и ничего не говорить нам, да, папа?

– Я не хочу идти на вечеринку, – снова встречаю я. – Я устала. И буду очень рада просто остаться дома.

– Отличная идея, Элла. – Каллум обнимает меня за плечи. – Тогда мы с тобой посмотрим кино.

В челюсти Рида ходят желваки.

– Твоя взяла. Она может поехать с нами. Мы отправляемся в восемь.

Каллум роняет руку. А Ройал-старший, похоже, догадливый. Братья не хотят, чтобы мы с ним оставались наедине, и мужчина это понял.

Стальной взгляд синих глаз Рида останавливается на мне.

– Тебе лучше подняться наверх и привести себе в порядок, сестричка. Это твой большой дебют, и ты испортишь его, появившись в таком виде.

– Рид... – предупреждающе начинает Каллум.

На лице его сына выражение абсолютной невинности.

– Я просто пытаюсь помочь.

Истон, пристроившись у бильярдного стола, похоже, еле сдерживает улыбку. Гидеон уже смирился с ситуацией, а близнецы старательно игнорируют нас всех.

По мне прокатывается волна паники. Школьные вечеринки, на которых я бывала, никогда не требовали дресс-кода: футболки и джинсы. Девчонки, конечно, все равно умудрялись выглядеть завлекательно, но, тем не менее, обычно. Мне хочется спросить, насколько пафосной будет эта вечеринка, но я не желаю порадовать братьев Ройал, показав свою неуверенность.

До восьми остается пятнадцать минут, и я спешу вверх. Все мои пакеты с покупками аккуратно выставлены вдоль изножья кровати. В сознании всплывают предостережения Саванны. Мне предстоит здесь учиться два года, а значит, я должна произвести хорошее впечатление. Но сразу же в голове всплывает другая мысль – какого черта я так переживаю? Я не обязана нравиться этим людям, мне просто нужно окончить школу.

Но я переживаю. Ненавижу себя за это, но не могу противиться отчаянному желанию попытаться. Попытаться вписаться. Попытаться сделать так, чтобы в этот раз все было по-другому.

Погода теплая, и я выбираю короткую темно-синюю юбку и бело-голубой полосатый топ, сделанный из шелка и хлопка. Его стоимость, наверное, равна стоимости всего отдела с одеждой в «Уолмарте», но он такой классный, что я даже счастливо вздыхаю, надев его.

В другом пакете отыскиваются подходящие темно-синие балетки с широкими серебристыми пряжками в стиле ретро. Расчесав волосы, я сначала хочу завязать их в хвост, но потом решаю оставить как есть. Но надеваю серебристый ободок, который меня заставила купить Брук: «аксессуары – это все». Именно поэтому у меня теперь есть целый пакет с браслетами, ожерельями, шарфами и сумками.

В ванной я достаю всю косметику и небрежными движениями наношу макияж. Надеюсь, мой опыт работы в стрип-клубах и барах не отразится на моем лице и у меня будет свежий вид. Я не привыкла к школьным вечеринкам. Я привыкла

работать бок о бок с тридцатилетними женщинами, которые стараются выглядеть на десять лет моложе и скрывают свой возраст под многочисленными слоями косметики.

Закончив, я смотрюсь в зеркало, но вижу незнакомку, чопорную и благопристойную. Я больше похожа на Саванну Монтгомери, чем на Эллу Харпер. Хотя, может, так даже лучше.

Вот только в реакции братьев Ройалов на мое появление на подъездной дорожке несколькими минутами спустя нет ничего обнадеживающего. Гидеон кажется ошарашенным моим внешним видом. Истон и близнецы фыркают. Рид ухмыляется.

О, разве я не сказала, что все они одеты в свободно свисающие с бедер джинсы и удобные футболки?

Подонки разыграли меня.

– Мы собираемся на вечеринку, сестричка, а не на чаепитие к королеве. – В этот раз от глубокого голоса Рида по моему телу не бегут мурашки. Он снова насмехается надо мной и наслаждается этим.

– Мы можем задержаться на пять минут, чтобы я переоделась? – сухо спрашиваю я.

– Не-а. Время ехать. – И он направляется к одному из «Рендж-Роверов».

Гидеон снова смотрит на меня, затем переводит взгляд на брата. Вздохнув, он следует за Ридом к машине.

Вечеринка проходит в доме на берегу океана. Меня везет Истон. Остальные парни уже уехали, и он не в восторге от того, что застрял со мной. Всю дорогу он молчит, но и радио не включает, поэтому в машине висит неловкая тишина.

И только въехав в огромные ворота, ведущие к трехэтажному поместью, Истон, наконец, «замечает» меня.

– Милый ободок.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не треснуть его по самодовольной роже.

– Спасибо. Он стоил сто тридцать баксов. Но нет ничего невозможного, когда у меня есть волшебная черная карта твоего отца.

Выражение его лица тут же мрачнеет.

– Следи за языком. Элла.

Я улыбаюсь и протягиваю руку к дверце.

– Спасибо, что подвез. Истон.

У входа в дом, украшенного колоннами, стоят Гидеон и Рид. Повернувшись ко всем спиной, они о чем-то перешептываются. Я слышу, как раздраженно ругается Гидеон, а потом говорит:

– Что за идиотизм, мужик? Не в середине сезона же.

– Какого хрена ты лезешь? – бурчит Рид. – Ты ясно дал понять, что больше не на нашей стороне.

– Ты мой брат, и я за тебя переживаю... – Заметив, что я подхожу, парень резко умолкает.

Они оба напрягаются, и вот Рид поворачивается ко мне, но лишь для того, чтобы подробно перечислить то, что мне можно делать, а что нет.

– Это дом Джордан. Ее родители заняты в гостиничном бизнесе. Не напивайся в стельку. Ничем не скомпрометируй имя Ройалов. Не тусуйся с нами. Не используй нашу фамилию, чтобы что-нибудь получить. Будешь вести себя как шлюха, и мы тут же вышвырнем тебя отсюда. Гид сказал, твоя мать была проституткой. Но ты даже не пытайся заниматься этим здесь, усекла?

Вот они, знаменитые правила Ройалов.

– Да пошел ты, Ройал. Она не была проституткой, но, конечно, если под сексом ты понимаешь танцы, то тебя остается только пожалеть. – Я без страха встречаюсь с тяжелым взглядом Рида. – Мне плевать на тебя. Тебе и во сне не снилось то, через что мне пришлось пройти.

Отвернувшись от братьев, я с гордым видом вхожу в дом, но тут же жалею об этом – все, кто находится в гостиной, поворачиваются и смотрят на меня. Дом сотрясается от низких басов грохочущей музыки, пол вибрирует под ногами, из арочного прохода слева доносятся громкие голоса и смех. Несколько девчонок в откровенных топах и обтягивающих джинсах с высокомерным видом разглядывают меня. Высокий парень в рубашке-поло нахально улыбается мне и поднимает к губам бутылку пива.

Я перебарываю желание выбежать обратно в ночь. Можно съежиться от страха и на следующие два года стать целью для их издевательств, а можно быть дерзкой и встретить ситуацию с достоинством. Лучшая тактика – быть нахальной, когда необходимо, и при любой возможности постараться влиться в это общество. Никто не смеет потешаться надо мной, но и навлекать на себя неприятности я тоже не намерена.

Поэтому я просто вежливо улыбаюсь, а когда все смотрят вверх моей головы на входящих следом Ройалов, не упускаю возможности улизнуть в первый попавшийся проход. Я иду до тех пор, пока не нахожу самый тихий уголок – темный закуток в конце коридора. Он кажется идеальным местом для парочек, которые ищут уединения, но там никого нет.

– Еще рано, – произносит женский голос, и я от испуга подпрыгиваю. – Но даже в поздние часы в этой части дома всегда пусто.

– Боже, я тебя не заметила. – Я прижимаю ладонь к бешено колотящемуся сердцу.

– Я так и поняла.

Когда мои глаза привыкают к темноте, я вижу стоящее в углу кресло. Девушка, что сидела там, поднимается мне навстречу. Невысокая, совсем крошка, черные

волосы и крошечная родинка над верхней губой. А за такие формы, как у нее, можно вообще убить.

– Валери Кэррингтон.

Сестра Джордан?

– Я...

– Элла Ройал, – заканчивает она за меня.

– Вообще-то, Харпер. – Я заглядываю за ее спину. Она читала с фонариком? На небольшом столике у кресла лежит мобильный телефон. Переписывалась со своим бойфрендом? – Ты прячешься?

– Угу. Я бы предложила тебе присесть, но здесь только одно кресло.

– Я знаю, почему прячусь я. – Мой голос звучит смущенно и искренне. – Но какие причины у тебя? Ты же Кэррингтон, разве ты здесь не живешь?

Она усмехается.

– Я бедная троюродная сестра Джордан. Объект благотворительности.

Готова поклясться, что Джордан не дает ей забыть об этом.

– Прятаться не так уж и плохо. Если ты в бегах, то каждый день для тебя – это борьба за жизнь. По крайней мере, у меня такая теория. – Я пожимаю плечами.

– А почему ты прячешься? Теперь ты Ройал. – В ее голосе звучит едва уловимая насмешка, и я отвечаю ей тем же.

– Как ты Кэррингтон?

Девушка хмурится.

– Подловила.

Я провожу рукой по лбу, ощущая себя полной дурой.

– Прости. Не хотела тебе грубить. Последние два дня были очень долгими, я до смерти устала и чувствую себя совершенно не в своей тарелке.

Склонив голову набок, Валери несколько секунд внимательно рассматривает меня.

– Ладно, Элла Харпер... – Ударение на моей фамилии – это как оливковая ветвь. – Давай найдем что-нибудь, что тебя взбодрит. Ты умеешь танцевать?

– Ну да, думаю, умею. В детстве занималась танцами.

– Тогда нам будет весело. Пойдем.

Девушка ведет меня по коридору к лестницам.

– Только прошу, не говори, что тебе приходится спать в шкафу под лестницей.

– Ха! Нет. У меня есть цивильная спальня наверху. Здесь живет прислуга, а сын нашей домработницы – мой друг. Он уехал в колледж, но оставил здесь свою приставку и все игры. Мы все время играли, в том числе и в «ДДР».

– Понятия не имею, о чем ты, – признаюсь я. В нашем с мамой последнем прибежище, в Сиэтле, даже телевизора-то не было.

– «Дэнс-Дэнс Революшн». Ты повторяешь танцевальные движения, которые показывают на экране, и получаешь очки за то, насколько хорошо двигаешься. У меня отлично получается, но, раз у тебя есть танцевальный опыт, тебе будет легко.

Когда девушка улыбается, я почти готова обнять ее – у меня так давно не было подруги. И до этой самой минуты я даже не понимала, как сильно нуждалась в этом.

– Тэм играл ужасно, – говорит Валери.

Тоска в ее голосе подсказывает мне, что она по нему скучает. Очень.

– Он часто приезжает в гости? – Я сразу вспоминаю про Гидеона, который уже приехал домой, хотя с начала занятий прошло всего две недели.

– Нет. У него нет машины, поэтому мы не увидимся до Дня благодарения. Его мама съездит за ним. И я собираюсь вместе с ней. – Рассказывая об этом, она чуть не скачет от радости. – Но когда-нибудь у Тэма будет свой автомобиль.

– Он твой парень?

– Да. – Валери глядит на меня с укором. – А что? У тебя с этим проблемы?

Я поднимаю руки вверх.

– Конечно, нет. Просто спросила.

Валери кивает и открывает дверь в маленькую комнату с аккуратно заправленной кроватью. Здесь есть и телевизор.

– И какие Ройалы дома? – спрашивает она, запуская игру.

– Хорошие, – вру я.

– Правда? – Вопрос звучит скептически. – Потому что с тобой они ведут себя не очень хорошо.

Ничем не оправданное чувство преданности этим придуркам заставляет меня возразить.

– Ничего, они привыкнут, – повторяю я недавно сказанные Каллумом слова, но даже когда произношу их сама, они не кажутся более правдивыми. Стараясь перевести тему, я похлопываю по телевизору: – Так мы будем танцевать?

– Ага. – Валери, похоже, тоже не против больше не говорить о братьях. Она достает из маленького холодильника два коктейля и протягивает один мне. – За то, чтобы прятаться, но прятаться весело.

Игра оказывается пустяковой. Слишком легкой для нас обеих. Валери здорово танцует, но я выросла в этой среде, и нет ни одного движения бедром, ни одного взмаха рукой, которые я не смогла бы повторить. Валери решает усложнить нашу задачу и ставит игру на паузу, чтобы мы смогли осушить наши бутылки. Чем больше мы пьем, тем ужаснее становятся ее движения, но на меня алкоголь действует как магия, и я вся отдаюсь музыке.

– Черт, девочка, а ты умеешь двигаться, – поддразнивает Валери. – Тебе надо принять участие в каком-нибудь танцевальном шоу.

– Нет уж. – Я делаю еще один глоток коктейля. – Не хочу я на телевидение.

– Но ты должна. Посмотри на себя! Ты выглядишь секси даже в этом наряде богатой суч-чки. А как ты двигаешься... Ты станешь звездой!

– Я не хочу.

Она смеется.

– Ладно-ладно. Пойду пописаю.

Я тоже смеюсь, и Валери на середине песни несется в ванную комнату. В ней невероятное количество энергии, и она мне нравится. Я мысленно делаю себе напоминание спросить у нее, учится ли она в «Астор-Парке». Будет здорово пойти туда в понедельник и знать, что у тебя уже есть друг. Но вот песня меняется, и меня снова захватывает музыка.

Валери все еще в ванной, и когда начинает звучать Touch Myself группы Divinyls[8 - Divinyls – австралийская рок-группа, образованная в Сиднее в 1980 году.], я начинаю двигаться, сама по себе, даже не пытаюсь копировать движения игры. Это чувственный, непристойный танец, от которого кровь бежит по венам и потеют ладони.

Перед глазами появляется нежеланный образ горячего тела Рида и его синих глаз. Чертов придурок проник в мои мысли, и я не в состоянии выбросить его из головы. Закрыв глаза, я воображаю, как его руки касаются моих бедер и притягивают меня ближе. Как его нога разъединяет мои...

Включается свет, и я тут же останавливаюсь.

– Где он? – Называется, помяни черта... и вот он уже настойчиво требует ответа.

– Кто? – тупо спрашиваю я. Поверить не могу, что только что предавалась фантазиям о Риде Ройале, парне, который думает, что я сплю с его отцом.

– Ублюдок, для которого ты танцевала. – Рид входит комнату и хватает меня за руку выше локтя. – Я же сказал тебе, чтобы ты не лезла со своими фокусами к моим друзьям.

– Здесь никого нет. – Мой затуманенный алкоголем разум соображает слишком медленно. Доносится звук спускаемой в унитаз воды.

– Да неужели? – Рид отталкивает меня и рывком открывает дверь в ванную. Оттуда раздается испуганный вопль, и он, бормоча извинения, захлопывает дверь.

Я не могу сдержать самодовольную ухмылку.

– Разве я не говорила, что лесбиянка?

Но ему это не кажется смешным.

– Почему ты не сказала мне, что там Валери?

– Потому что куда забавнее наблюдать, как ты приходишь к поспешным выводам. И если бы даже я сказала, ты бы все равно мне не поверил. Ты уже решил, кто я и что я, и ничто не заставит тебя передумать.

Парень хмуро смотрит на меня, но и не спорит.

– Пойдем со мной.

– Дай мне подумать. – Я постукиваю кончиком пальца по нижней губе, словно действительно обдумываю его ничтожное приглашение. Его глаза следят за моим движением. – Так, ладно, я решила. Нет.

– Тебе здесь не нравится, – с каменным лицом заявляет он.

– Благодарю вас, мистер Проницательность.

Рид не обращает внимания на мой сарказм.

– Ну, мне тоже здесь не нравится. Но вот в чем дело. Если ты не пойдешь со мной и не приложишь хотя бы минимум усилий, тогда мой отец продолжит заставлять тебя ходить на эти вечеринки. Но если ты вытащишь отсюда свою задницу и все смогут рассказать своим родителям, что видели тебя, то папа на какое-то время отстанет. Поняла?

– Не совсем.

Парень снова придвигается ближе, и меня опять выводят из равновесия его размеры. Он очень высокий. Если бы он еще был и худым, его точно звали бы «Каланча» или как-нибудь так. Но Рид не худой. Он мощный. Большой, мускулистый, а еще из-за выпитого алкоголя я чувствую себя возбужденной, и меня до боли влечет к нему.

Даже не догадываясь о моих непристойных мыслях, он продолжает говорить:

– Если папа будет считать тебя потерянной одинокой овечкой, то продолжит подталкивать нас друг к другу. А может, этого ты и хочешь, а? Хочешь, чтобы тебя видели рядом с нами? Хочешь, чтобы тебя приглашали на все эти вечеринки?

Его обвинение вырывает меня из моего алкогольного ступора.

– И поэтому сегодня вечером я не отхожу от вас ни на шаг.

Выражение его лица не меняется, несмотря на то что я права и он это знает. Да и ладно. Плевать.

– Эй, Валери, спустимся на вечеринку! – кричу я.

– Не могу. Я умерла от стыда. Рид Ройал застал меня в уборной, – стонет она через закрытую дверь.

– Придурок уже ушел. К тому же наверняка это самое приятное и пристойное зрелище из всего, что он сегодня видел.

Рид закатывает глаза, но, когда я показываю ему на дверь, выходит.

Валери наконец появляется из ванной.

– Зачем нам покидать наш маленький рай?

– На других посмотреть и себя показать, – честно отвечаю я.

– Фу, это обещает быть ужасным.

– А я и не говорила, что будет по-другому.

Глава 9

Когда мы входим в гостиную, я тут же замечаю Саванну Монтгомери. На ней узкие джинсы с прорезями на коленях и топ, открывающий живот. Ее глаза сверлят дыры в спине Гидеона, который, опираясь о стену, разговаривает с каким-то парнем.

Словно почувствовав, что я уловила связь между Гидеоном и ней, Саванна резко поворачивает голову в мою сторону. Она не машет рукой, не здоровается, лишь бросает на меня быстрый взгляд и тут же отворачивается к своей подружке.

Гремит музыка, кто-то пьет, кто-то танцует, кто-то целуется по углам. За открытыми французскими дверями виднеется огромный овально-изогнутый бассейн, исходящее от него голубоватое свечение отбрасывает тени на лица стоящих вокруг парней и девушек. Народ повсюду. Здесь шумно, жарко, и я почти начинаю скучать по тихому уединению крыла для прислуги.

– Нам точно нужно здесь оставаться? – шепчет Валери.

С противоположной стороны, стоя у дубовой барной стойки, за нами наблюдает Рид. Рядом с ним Истон, и они оба предостерегающе кивают, когда я встречаюсь с ними взглядом.

– Да, нужно.

Валери смиренно вздыхает:

– Ну ладно. Тогда заодно разберемся со всякой фигней.

Валери ниспослана мне свыше. Она берет меня под руку и ведет по комнате, представляя разным людям, а потом шепотом комментирует:

– Вон та девчонка, Клэр? Она спит с Истоном Ройалом. Клэр любит говорить всем, что она его девушка, но все знают, что Истон никогда ни с кем не встречается. Томас? Сидит на коксе, но его папочка сенатор, так что за Томасом всегда подчищают. И смотри, держись подальше от Дерека. Это средоточие всех хламидий.

Я проглатываю смешок, а она подводит меня к следующей компании – трио в пастельных мини-платьях.

– Лидия, Джинни, Франсин, это Элла. – Валери взмахивает между нами рукой и уводит прочь от Пастелей прежде, чем девицы успевают открыть рот. – Ты никогда не задумывалась, может случиться так, что некоторые люди рождаются без мозгов? – спрашивает она меня. – Так вот, доказательство перед тобой. Девчонки придали слову «пустышка» новое значение.

Не буду врать – мне нравятся ее презентации, а вернее, сплетни, которые за ними следуют. А еще я замечаю, что все бросают мне лишь невнятное «привет» и тут же смотрят на братьев Ройалов, чтобы оценить их реакцию.

– Ну вот, с легкой частью покончено, – со вздохом произносит Валери. – Настало время сразиться с драконом.

– Драконом?

– Моей кузиной. Она же Королева академии «Астор-Парк». Предупреждаю – Джордан безумно ревнует к Ройалам. Уверена, что она переспала с ними всеми, включая близнецов.

Кстати о близнецах, по пути к бассейну мы проходим мимо Соьера. Я знаю, что это Соьер, потому что на нем черная футболка, а чуть раньше я слышала, как Гидеон называл Себастианом того, кто одет в белую. На Соьере повисла миниатюрная рыжеволосая девушка, которая целует его в шею, но он не спускает глаз с меня.

– Подружка мелкого Ройала, – сообщает мне Валери. – Лорен или Лора, что-то типа того. Прости, я не очень много знаю о десятиклассниках.

Но похоже, она прекрасно осведомлена обо всех остальных. Для девушки, которая любит прятаться в укромном углу, Валери в курсе всех сплетен, хотя, наверное, нет лучшего способа собирать информацию, чем оставаться в тени.

– Приготовься, – предупреждает Вэл. – Она может выпустить когти.

Эти самые когти принадлежат шикарной брюнетке в шелковом зеленом платье, которое едва прикрывает бедра. Она расположилась на мягкой кушетке, облокотившись на спинку, словно Клеопатра. Ее подружки сидят в точно таких же позах и в точно таких же откровенных нарядах.

У меня встают дыбом волосы на затылке, и когда я поворачиваю голову, то вижу, как из стеклянных дверей выходят Рид и Истон. Мы с Ридом встречаемся взглядами. Он быстро проводит языком по нижней губе, и у меня екает сердце. Я ненавижу этого парня. На мою беду, он слишком привлекательный.

– Джордан, – приветствует Валери свою кузину. – Отличная вечеринка, как всегда.

Брюнетка усмехается.

– Не ожидала тебя здесь увидеть, Вэл. Ты же обычно прячешься на чердаке, разве нет?

– Сегодня я решила испытать судьбу.

Джордан рассматривает покрасневшее лицо своей троюродной сестры.

– Вижу-вижу. Много уже выпила?

Валери закатывает глаза и вытаскивает меня вперед.

– Это Элла. Элла, Джордан. – Затем она указывает пальцем на каждую из девиц и на одном дыхании перечисляет имена: – Шиа, Рейчел, Эбби.

Только одна из них удосуживается взглянуть на меня – Шиа.

– Ты уже знакома с моей сестрой, – холодно объявляет она. – С Саванной.

Я киваю.

– Ага. Классная девчонка.

Шиа прищуривается. Наверное, пытается понять, шучу я или говорю серьезно.

Тут подает голос Джордан, ее орехового цвета глаза поблескивают:

– Ну так что, Элла, Каллум Ройал твой новый папочка, а?

От меня не ускользает, как все, кто находится на заднем дворе, умолкают. Даже музыка, гроыхающая из гостиной, кажется, стала тише. Я чувствую на нас взгляды всех присутствующих. Вернее, на Джордан. Лица ее подружек

загораются почти что ликованием.

Я мысленно готовлю себя к атаке, потому что, очевидно, все идет именно к этому.

Джордан садится прямо, соблазнительно скрещивая свои длинные ноги.

– И каково оно, сосать член старика? – спрашивает она.

Кто-то фыркает. Несколько человек хихикают.

От замешательства у меня сжимается горло. Эти люди смеются надо мной. Я осознаю, что Ройалы уже обо всем просветили своих друзей, наверняка еще задолго до моего прибытия. Никто даже не собирался по-настоящему дать мне шанс.

Я с ужасом чувствую, как на глаза наворачиваются слезы. Нет! Да катись оно все! К черту Джордан и всех остальных! Пусть я не вышла из семьи, которая «занята в гостиничном бизнесе», но я лучше, чем эта стерва. Я пережила больше, чем она смогла бы вынести.

Я моргаю и надеваю на себя маску безразличия.

– Твой отец совсем не плох, если ты об этом спрашивала, но мне кажется ужасно странным, что ему нравится тянуть меня за волосы и просить называть его «папочка». У вас дома все нормально?

Валери усмехается.

Одна из подружек Джордан изумленно ахает.

На одно короткое мгновение в глазах Джордан вспыхивает пламя, но вот они снова начинают насмешливо поблескивать, а она хрипло смеется.

– Ты был прав, – обращается она к кому-то за моей спиной. – Она шваль.

Мне даже не нужно поворачиваться, чтобы понять, что ее слова адресованы Риду.

Валери рядом со мной напрягается.

– Какая же ты сука! – говорит она своей кузине.

– Лучше быть сукой, чем простушкой, – с ухмылкой отвечает Джордан, а потом машет нам рукой. – Убирайтесь с глаз моих. Я пытаюсь наслаждаться своей вечеринкой.

Нас отправили прочь. Валери разворачивается, я за ней, но когда мы подходим к дверям, я пропускаю девушку вперед, а сама подхожу к Риду.

В его синих глазах пустота, но когда он замечает меня, то стискивает челюсти.

– Все. Я исполнила свой долг перед Ройалами, – шепчу я ему. – Найди меня, когда нужно будет уходить.

И, не оглядываясь, возвращаюсь в дом.

Мы уходим с вечеринки уже после часа ночи. Истон находит меня в комнате Валери на втором этаже, где мы, разлеглись на ее кровати и смотрим танцевальное шоу. Валери скачала весь сезон и заставила меня посмотреть несколько выпусков, настаивая на том, что мне нужно попробовать. Но я снова ответила отказом.

Истон объявляет, что нам пора, и закатывает глаза, когда я обнимаю Валери на прощание и прошу ее разыскать меня в школе в понедельник.

Оказавшись на улице, я вижу, что Гидеон и близнецы уже укатили, а значит, мне придется ехать в одной машине с Истоном и Ридом. Рид усаживается за руль, его брат – на пассажирское сидение, а я залезаю на заднее, и они продолжают разговаривать, не обращая на меня внимания.

– Мы разнесем Уайетт-Преп, – говорит Истон. – Половина их линии нападения выпустилась в прошлом году, так что у нас прямой путь попасть в индекс Донована.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Речь идет о следующей истории: однажды маленький Джордж Вашингтон решил испытать свой новый перочинный ножик и изрезал ствол вишни в саду своего дома. Его отец увидел поврежденное дерево и стал искать злоумышленника. Джордж Вашингтон признался во всем, и отец не только не наказал мальчика, но даже похвалил его. Мораль такова: всегда следует говорить только правду. О подлинности этой истории идут споры.

2

Наклейки на соски.

3

На стодолларовой банкноте США изображен портрет Бенджамина Франклина.

4

Имеется в виду школа углубленной воздушно-десантной подготовки в спецназе ВМС США «Морские котики».

5

Эта латинская фраза служит девизом ВМС США и выгравирована над входом в часовню при Военно-морской академии США.

6

Оден, Уистен Хью (1907–1973) – англо-американский поэт.

7

Здесь игра слов: buds в значении «приятели, друзья» и BUD/S – программа тренировки в войсках США.

8

Divinyls – австралийская рок-группа, образованная в Сиднее в 1980 году.

Купить: https://tellnovel.com/ru/uatt_erin/bumazhnaya-princessa

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)